

Марьяна Брай

A woman with long, wavy brown hair, wearing a large, wide-brimmed brown hat and a light-colored, ruffled blouse with dark sleeves, stands in a narrow, cobblestone street. The street is lined with brick buildings, and a street lamp is visible on the right. The background is slightly hazy, suggesting a distant town or city.

САМАЯ
СТАРАЯ ДЕВА
ГРАФСТВА КОУЛ

Марьяна Брай

Самая старая дева графства Коул

«Автор»

2026

Брай М.

Самая старая дева графства Коул / М. Брай — «Автор», 2026

Жених бросил меня накануне свадьбы. Больше замуж я не вышла. Но в моей судьбе была девочка, ставшая внучкой не по крови, а по судьбе. Она-то и внесла в мою историю всё, что оказалось необходимым. Когда время жизни подошло к закату, мне хотелось лишь одного: получить еще один шанс. И Бог впервые меня услышал, но есть нюанс... Бытовое фэнтези
Любовное фэнтези
Сильная героиня

© Брай М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	45
Глава 16	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марьяна Брай

Самая старая дева графства Коул

Глава 1

Знаете, в чем я совершенно уверена? В том, что красиво звучит только натянутая струна! К чему я это? А вот...

– Милочка, это ты? – я замерла, услышав, что входная дверь открылась.

– Я, бабуль. Ты как? – от порога ответила девочка, ставшая мне внучкой не по крови, а по судьбе.

– Больше не покупай мне такие книги. Я вчера до полуночи угомониться не могла, – вот не хотела же расстраивать любимицу, а промолчать не сумела.

– А чего в ней такого? – моя дорогая круглолицая, с веселыми глазами девочка подошла и обняла меня сзади, чмокнув при этом в щеку. – Я закрыла сессию! И у нас сегодня будет небольшой праздник, – Мила отстранилась и посмотрела на меня с деланной серьезностью. – Так что там с книгой? Герои ведут себя как идиоты?

– Они занимаются сексом, когда стоит подумать о безопасности. Это не просто глупо, это трижды глупо, – ответила я, ожидая, что девочка меня поддержит.

– Ну-у, бабуль... В моменты, когда жизнь висит на волоске, наверное... не каждый сможет вести себя адекватно, – Мила присела за стол напротив и протянула руку к книге, о которой мы говорили. Она ее уже прочла и пару дней назад привезла мне.

– Да, я могу ошибаться, потому что дней в любви или браке у меня... – я сделала задумчивое лицо, постучала пальцем по щеке и добавила: – ноль! Но любовь, возникающая за пару часов и непреодолимое желание с ним...

И правда, хотя мне недавно и исполнилось девяносто три года, замуж я так и не вышла. И если раньше огорчалась, когда слышала в свою сторону: «старая дева», то после даже радовалось, что я хоть и старая, но дева! А не старуха или бабка, как остальные. А теперь и вовсе, пережив всех, кто что-то еще знал о моем социальном статусе, меня уважительно называли Татьяной Павловной.

Нет, уродливой или нежеланной я не была. Даже ходила в невестах, и до моей свадьбы оставались считанные дни. А в это время второй юноша страдал от моего решения. Не сдаваясь, доказывал, что он стоит моей руки, сердца и прочих жизненно важных органов.

Но я тогда любила Костю!

Костя отслужил положенные три года во флоте, пришел домой уже не тощим рыжим мальчишкой, каким я помнила его в школе, а настоящим мужчиной. Он жонглировал гирями, как это никто не делает с мячами. Он пел под гитару. Он утюжил рубашку и брюки, прежде чем выйти на улицу.

У моего сердца просто не было шансов!

Мне было девятнадцать, я поступала в университет, цвела сирень... И я видела весь мир у своих ног, как бегун видит надпись «Старт». Это было самое начало.

Самое начало краха!

За неделю до свадьбы, когда было оплачено и заказано всё, что требуется, мой Костя просто взял и уехал. Говорили, что у него на месте службы была девушка. И он, узнав, что она носит ребенка, не смог признаться, а просто сбежал. О чём и сообщили его родители моим. И все четверо плакали на нашей кухне, рассказывая, как уговаривали одуматься.

Я слушала их, стоя в коридоре, прислонив горящую щеку к окрашенной стене. Мир, обещавший мне все прелести жизни, все мыслимые и немыслимые достижения, уходил из-под ног, забирая точку опоры.

Как и полагается в небольшом городке, надо мной посмеивались, как над брошенной невестой. А я поступила-таки и уехала из дома, чтобы всю себя посвятить учебе. Другие мальчишки? Ни один из них не дотягивал до уровня Константина. А тот, кого я прежде не замечала?

Хо! О нём нужно рассказать подробнее!

Но сначала о Милочке. Потому что без неё я всё ещё считала бы себя дрянью, высоко задравшей нос.

Милочкина бабушка жила в моем подъезде и была мне подругой. С Дашей мы могли обсудить все мелочи, поплакать в жилетку друг друга и даже поделиться личным. А вот ее дочка Вера никогда мне не нравилась: вела разгульный образ жизни, забросила учебу, выскочила замуж за странного типа: как оказалось, будучи уже беременной, развелась, снова вышла замуж... И так раза четыре.

Подруга моя умерла рано от болезни, а ее дочь все никак не выросла. Но Мила, самая старшая девочка в этой многолетней и со временем ставшей неблагополучной семье, была так похожа на Дарью. А еще она единственная, кто помнил времена, когда дом их сиял чистотой, и пахло в нём не перегаром и дымом от сигарет, а пирогами и цветами.

Она прибежала ко мне ночью в одной пижаме. Ей было десять. Очередной «муж» мамы устроил дома пьяный дебош, и она попросту сбежала. Тогда вызывали полицию, опеку. Но каким-то чудом детей не забрали.

А я на следующий день поднялась к соседям и предупредила Веру: «Мила будет жить у меня. Остальные трое мальчишек на твоей совести, но Милочку я в обиду не дам. Хочешь – жалуйся, и тогда у тебя заберут всех!».

Вера думала не очень долго. Единственное, она попросила не распространяться об этом факте. И я согласилась. Лишь бы девочка жила со мной.

Соседи знали, что девчужка часто навещает пожилую соседку. И никто не замечал, что прежде чем выпустить Милу из квартиры, из нее выглядываю я. Когда Миле исполнилось шестнадцать, мы уже не скрывали ничего. Да и Вера к тому времени успокоилась: пережила инфаркт и вдруг с особенным рвением взялась за свое здоровье.

Несколько лет назад моя Мила попросила рассказать о моей большой любви. Я и рассказала, не забыв упомянуть Александра, того самого, несчастно влюбленного в меня.

И эта история покорила ее больше, чем жених, сбежавший чуть ли не из церкви. Да, церковь в то время была под запретом, но о сбежавших почему-то принято говорить «из-под венца». Видимо, это тот самый венец, который держат над молодожёнами во время венчания.

Так вот, Мила днями и ночами бредила тем самым Александром, отвергнутым мной. А потом начала выпытывать: где мы жили, какую он носил фамилию, какого был роста и были ли у него братья или сестры.

Она за ужином и за завтраком озвучивала мне все то, что представляла сама: как он прожил всю жизнь один, думая обо мне. Как поехал следом за мной и живет где-то совсем рядом, чтобы видеть меня по дороге в булочную или в поликлинику.

Мила училась на архитектора, но идеи в ее голове рождались такие, что она должна была стать кинорежиссером, как минимум.

И к очередному Рождеству, она постучала в дверь, а не как обычно, открыла ее своим ключом.

И когда я распахнула дверь, начиная уже брюзжать, что если она потеряла ключи, нам придется менять замок, на площадке стояли Мила и какой-то совершенно неприятный старый хрыч.

– Бабуля, я его нашла! Вот твой Александр, Саша, Шурочка Литвинов! – с этими словами моя девочка расцеловала меня в обе щеки, а потом подтолкнула это выглядящее, как останки мамонта, создание в мою квартиру.

– Танюфа, ты фэффем не ифменилафь, – прошамкал дед, который был ниже меня почти на голову.

– Ты тоже, Саша. Вот и не вырос больше совсем, – специально очень тихо сказала я.

– Ну, куда мне. Я фе не твой Кофтя: моряк с пefки бряк, – он засмеялся и указал пальцем на слуховой аппарат, – дочь привефла и застафила носить. А он, фобака, не убафляетфа, и я слыфу, как на потолке мыфы рафмнофаются, – уточнил отвергнутый мною когда-то поклонник.

– Добро пожаловать, Саша, проходи, пальто тебе Мила поможет снять.

В общем, если не вдаваться в детали, Александр был женат, имеет троих детей, семеро внуков и даже пару правнуков. Живет в том же городе моего детства, в том же доме. Судя по всему, и в том же самом пиджаке, ставшем ему коротким после девятого класса.

– Ой, это я пфиготовил тебе. Думал уфе не отдафать, но тогда я фэффем без подарка получаетфа, – он протянул свёрток, упакованный в глянцевые страницы какого-то журнала о звёздах, перетянутый лентой, судя по характерным помятостям, ранее украшавшей букет цветов.

Мила взялась помочь, на ходу включив чайник, ножницами разрешила упаковку.

Сначала в нос мне ударил запах нафталина, куда более сильный, чем исходил от гостя. А потом в руки выпало что-то сине-оранжево-зеленое из кримплена.

– Это пфатье, Танюфа. С рафмером только не угадаф, – скромную улыбку в расщелинах его морщин я заметила, но потом заметила и то, что платье было ношеным.

– А-ам. Ну, спасибо, конечно, за подарок, идемте пить чай, – решив уйти от этой темы, я пригласила гостя в кухню.

– Примерь. Дфя меня. Сделай мне пфиятно! Ольга нофила его по пфаздникам. И как только она надефала это пфатье, в доме сфазу чувстфофалафь радофть.

Рот я открыла, а сказать так ничего больше и не смогла.

Когда к вечеру Мила вернулась, проводив Александра до самого дома, я лежала на диване в полной темноте.

– Прости меня, бабуль. Ну, прости и... – она с порога бросилась ко мне на грудь и разревелась. – Я думала...

– Думала, он сделает мне предложение, окажется, что он владелец виноградника в Бордо, и я стану герцогиней? Такое ты обычно читаешь, вместо того, чтобы идти с подругами на танцы? – я засмеялась и девочка моя тоже. – Давай пить чай и есть торт. Полагаю, ты его купила?

Прошло после этого, наверное, лет пять. Но мы все еще вспоминаем нашего «Фэфэньку с пфатьем от быффей фены».

Тогда у меня полностью отпали все сомнения. Я ни капли не сожалела о своём прошлом. Тем более не хотела закончить свое земное существование. Я мечтала увидеть детишек Милы, поехать с ними летом на речку, смеяться до слез, наблюдая, как они делают первые шаги.

Я смогла только завершить начатое – оформить квартиру на мою умную, красивую, любимую Милу. А ещё не переставала мечтать, что Бог, посмотрев на согбенную, белую, как одуванчик, Танюшу, скажет: – Нет, мне не хватило в этом случае эмоций. Давай-ка сначала!

Глава 2

О! Мой дорогой читатель, ты только не думай обо мне, как о престарелой даме с замашками сноба и нарцисса! Я достаточно честно и трезво оцениваю свои таланты, достижения и происходящее. А еще я ни за что бы не поверила, что некие силы могут взять и исполнить мое желание. Может, это и не зависело от меня, но приятнее думать, что все же Он меня услышал.

Проснувшись и еще не открыв глаза, почувствовала что-то необычное: будто в мою память кто-то ворвался, добавил туда кучу всего нового, перемешал с моей памятью и скрылся, словно мошенник!

Когда что-то происходит в твоей жизни, оно просто накладывается поверх уже известного о себе, об окружающем мире. А тут... полная каша из чужих воспоминаний.

Нет, я не начала сходить с ума! Я знала, что я Татьяна, что мне девяносто три и что комната в моей квартире находится на третьем этаже. А на дворе зима.

А еще я знала, что я... Стефания Луиза Тереза Мария Верде. И видела своими глазами за окном сад с гортензиями.

Нет, я правда не сошла с ума, и эти имена все принадлежали мне! Не в разное время, а в одно! Прямо сейчас! В моей памяти то вспыхивала Мила, обычно замечающая, что я уже проснулась, и объявляющая, что на завтрак сегодня очередные модные закуски, оборачивающиеся на деле вполне себе известной яичницей-болтуньей.

Но в ту же секунду я вспоминала лицо красивого молодого мужчины во фраке со сведенными к переносице бровями. Я чувствовала к нему и любовь, и злость одновременно. И понимала, что он мой брат. И видела я его вчера!

– Что за бред? – прошептала я и крепко зажмурилась. Потом осторожно открыла глаза и увидела все тот же сад за приоткрытым окном. Тонкая занавеска красиво наполнялась ветерком и, словно парус, поднималась сантиметров на десять, а потом ложилась на свое место.

– Этого нашей семье только не хватало! – звонкий, колючий, срывающийся на визг голос прервал мои размышления о сумасшествии. В ту же секунду занавеска, на которой я решила задержать взгляд, чтобы меня не стошнило, взлетела от сквозняка.

«Видимо, кто-то открыл двери.», – пронеслось в голове, но даже повернуться я не смогла. Тело словно сковало страхом, непониманием и... любопытством. Одна часть меня тряслась от ужаса, а вторая хотела показать Диане Верде, обладательнице того самого противного писклявого голоса, что мне плевать.

– Ты собираешься подниматься? Сколько можно спать? Ты знаешь, что сегодня умерла леди Сирия? Ты понимаешь, что теперь будет? – голос Дианы звучал уже прямо надо мной.

– Кто это? – набравшись смелости, спросила я. Мне вдруг отчетливо понятно стало, что в той, новой части памяти этого имени тоже нет.

– Даниэль, – затрубила, как слон Диана, – Да-ни-эль! Тебе тоже плевать на честь нашей семьи? Вам всем плевать, что мой третий ребенок родится в этом аду?

– Не ори так: голова очень болит, – громче сказала я, хотя голова вовсе не болела. Наоборот, я чувствовала себя прекрасно! Мне интересно было исследовать те новые знания, пришедшие словно из ниоткуда в мою самую не больную на свете голову.

Я знала, что Диана – жена моего брата, и я живу с ними, потому что наши родители умерли, а я... я не замужем, хоть это и беспокоит всех, кроме меня.

– Диана, тебе нельзя бегать по коридорам и нельзя так переживать, – голос брата звучал так нежно и тепло, что часть моего сердца заныла от ревности. Да, именно ревности к мальчишке, который в детстве был самым лучшим другом, братом и защитой. После того как

появилась Диана, он не жалел меня больше, не говорил, что всё решит, и не уделял мне ни капельки внимания.

Я очень захотела увидеть его, поэтому присела в кровати. А потом встала, каким-то очень привычным движением взяла с кресла легкий халат, надела его, легко продев в вырезы пояса, завязала.

– Что ты натворила? – Даниэль смотрел на меня с осуждением.

– Я спала. Диана ворвалась сюда, возвещая о смерти некой... – я не вспомнила имя, потому что и правда не знала, о ком идет речь.

– Леди Сирия? – словно у самой себя переспросила светловолосая, похожая на ангела девушка в розовом свободном платье. Ее тонкий носик будто сам по себе тянулся вверх, чтобы чуточку приподнять верхнюю губу и показать белоснежные, хоть и крупноватые зубки. А Диана боролась с этим и постоянно подтягивала губку вниз. Но как только она начинала что-то говорить, нос делал свое дело. – Ты не знаешь леди Сирию?

– Диана, что случилось в конце-то концов? – Даниэль, похоже, разозлился не на шутку, но держался, не собираясь перечить своей беременной жене.

– В моей гостиной сидят три мои любимые подруги. И пришли они, знаете зачем? – Диана подтянула верхнюю губу на зубы и замерла, переводя взгляд с меня на мужа.

– Раз ты орёшь здесь, они пришли по какой-то совершенно не важной для тебя причине... – начала было я. Но Даниэль шагнул ко мне и, взяв за плечо, сильно сжал. – А-ай, ты чего? Лучше угомони свою... – я не стала озвучивать диагноз явной психопатки, но, оттолкнув руку брата, просто напомнила, что эта комната моя и они сами вошли сюда.

– Умерла-а с-самая с-старая де-ева наш-шего гра-афства, – растягивая буквы каждого слова, шипела Диана.

– Ну и земля ей пухом, – вырвалось у меня. – Сколько ей было?

– Пятьдесят восемь! – все больше заводясь, орала Диана.

– Ну вот так. Бывает, – я осмотрелась, понимая, что комната мне знакома, хотя раньше я ее никогда не видела.

– Теперь самой старой девой стала ты! ТЫ, Стефания Луиза! – слезы брызнули из ее глаз. Вытянутая в мою сторону рука, заканчивающаяся острым коготком указательного пальца, задрожала, а подбежавший к ней Даниэль, якобы в последний момент подхватил женщину, чтобы она не упала.

На фоне рыданий, которые словно размывались, становились отголоском эха, я думала об окружающей меня комнате с высокими окнами, большими зеркалами, светлой обивкой и до блеска натертым полом. Ровно до того момента, когда увидела в зеркале свое отражение.

Одна часть меня не была удивлена, словно всегда жила с этим молодым телом, темными вьющимися волосами и достаточно высоким ростом. А вторая ошарашенно разглядывала большие глаза, изогнутые дугой брови, пухлые щеки и губы.

– Убери ее с моих глаз, Даниэль! Убери! – из раздумий меня вывел голос припадочной снохи, и я, повернувшись к ним, громко сказала:

– Уберитесь сами, наконец! Это моя комната! Моя с самого моего рождения!

Глава 3

Мои новые родственнички вдруг резко замолчали и уставились на меня таким взглядом, словно заговорил шкаф. Диана изучала мое лицо, пытаясь что-то на нем отыскать, а Даниэль подталкивал жену к выходу.

Когда они закрыли за собой дверь, я подошла к зеркалу поближе и рассмотрела ту, что отражалась в нем.

Я всегда была маленькой, щуплой, а последние десять лет спина не позволяла встать прямо. Девушка, в которую сейчас была заключена моя душа оказалась полной противоположностью: высокая, темноволосая, с теплым взглядом, но, если поднять одну из бровей, моментально превращалась в занозу, к которой с вопросом или просьбой я ни за что бы не подошла.

– Значит... теперь я выгляжу вот так? – покрутившись перед своим отражением, спросила я, – не дурно, не дурно, – а потом подняла глаза к потолку и прошептала: – спасибо, что услышал. Так не хотелось попасть в небытие!

Хорошая фигурка моего нового тела тоже не могла не радовать, а особенно, в сочетании с пышной грудью, мне нравилась тонкая талия. Нет, пальцами ее не охватишь, как любили говорить в моей молодости о по настоящему тонкой талии, но для девушки такого роста она была вполне себе идеальной.

Осторожный стук в дверь вывел меня из мыслей о новой жизни, омрачаемой лишь сумбуром из моей и чужой памяти в голове.

– Кто это? – не зная, что отвечать, но одновременно понимая, что это, вероятно, Лизи, – спросила я.

– Можно? Я услышала тут... – дверь открылась, и внутрь вошла молоденькая, светловолосая, в аккуратном белом передничке, девушка.

– Можно. Да, утро оказалось шумным, – подтвердила я.

– Леди Верде попросила, чтобы вы не выходили в гостиную, пока ее гости не покинут дом, – девочка опустила свой волоокий взгляд в пол, и мне показалось, что она не боится меня, а именно жалеет.

– Не очень и хотелось, – я присела в кресло возле окна и пригласила ее сесть в соседнее.

– Нет, что вы, сидеть при хозяевах нам не положено, – торопливо ответила Лизи.

– Хорошо, тогда... можно что-то... завтрак в комнату? – уточнила я и лицо Лизи просияло.

– Да, да, я и пришла затем, чтобы сообщить, что обед готов. Вы не вышли к завтраку, но леди Верде нанесли визит, и я не смогла прийти к вам.

– Ничего. Я спала, Лизи. Неси обед, – после слов о еде желудок отреагировал своей пустотой – словно спавший, свернувшись в клубок котенок, развернулся и потянулся, напомнив о себе.

Девушка вышла, а я подошла к окну и сильнее открыла створку. Запах цветов, зелени, нагретой солнцем земли будоражил ум. Всего единожды в далеком советском прошлом мне удалось посетить курорт, и было у меня тогда подобное ощущение радости от этих запахов, от понимания, что в ближайшее время меня ждет только отдых, полноценный сон и приятные прогулки.

Здесь, судя по всему, полноценный сон мог иметь место только если у Дианы не возникнет очередного желания «оттоптаться» на мне за очередную её надуманную проблему.

К моему удивлению, в памяти не было ничего о моем собственном мнении: о семье, об обществе, даже о самом факте моего девичества. Мне недавно исполнилось двадцать три – эта вся информация, касаемая этой темы.

– Прошу к столу, – на этот раз Лизи вошла без стука, в руках она несла прямоугольный стальной поднос с ручками, на руке ее висела свернутая аккуратно скатерть. Отставив поднос на край небольшого столика возле окна, она быстрыми, уверенными движениями застелила его персиковой тканью и сервировала стол не хуже ресторанного.

В небольшой глубокой тарелке плескался прозрачный суп с кусочками овощей, которые можно было пересчитать поштучно, во второй тарелке обнаружился тост с мясом и парой кругляшей помидор. Больше не было ничего. Да, это безусловно было красиво, но мой желудок, видимо, получив от глаз полную информацию заурчал.

– Прошу, – Лиза отставила стул, помогла мне присесть, и, по всей видимости, собиралась стоять позади меня, пока я ем.

– Лизи, ты свободна. Я хочу остаться одна.

– Но, я должна буду поменять тарелки! – голос, полный удивления за моей спиной явно противился моему желанию.

– У меня есть руки, все, иди, – настояла я.

Девушка медлила, даже пыталась «акать», но я повернулась и приподняв бровь, как недавно делала перед зеркалом, зыркнула на нее. Она быстро поклонилась и вышла.

Суп оказался удручающе невкусным. Овощной отвар, с плавающим в нем картофелем и морковью. Мясо в этом бульоне точно не было. Да оно, похоже даже рядом с кастрюлей не лежало.

Поджаренный белый хлеб с сухим, тонким, как стелька, слайсом говядины возможно было прожевать только благодаря тем самым помидорным кружкам – они хоть сколько-то давали сока.

Чашка чая без сахара и без любого намека на десерт оказалась самым вкусным, что я здесь впервые испробовала. Терпкий, ароматный чай – был моей слабостью, и да, я пила его всегда без сахара, но вприкуску с конфетой или кусочком пастилы.

Выяснить, я одна в этом доме питаюсь, как пятилетний ребенок или все, я решила попозже. Возможно, позавтракав, я сейчас не испытывала бы ощущения, что делила порцию на троих.

Не дождавись Лизи, я исследовала комнату на наличие дверцы, за которой меня ждал туалет, и не найдя ничего в комнате, как и в своей памяти, аккуратно, стараясь не шуметь, я открыла дверь, и глянув влево, ахнула: широкий коридор за ней, словно отражение нескольких зеркал, все длился и длился анфиладой залов.

Высокие потолки с лепниной, шелковые обои теплого зеленоватого оттенка с золотым тиснением, вазы с живыми цветами – все это говорило... нет, это все кричало о богатстве и успехе.

«Я живу в королевском дворце?» – пронеслось в голове, но тут же, ментально память подкинула понимание, что это летний дом семьи. И больше ничего кроме этого.

К моему счастью, справа я увидела окно, и шагнула по ковру туда. Дверей рядом не нашлось, и выглянув в тот же сад, что виден из моего окна, решила искать туалет левее.

Пройдя первый небольшой зал с единственной дверью, на той же стороне, что и моя комната, я обнаружила, что дверь закрыта.

Пошла дальше, и каждая очередная дверь так же, была недвижима. Организм требовал уже присесть, и эта новая, видимо, подтормаживающая часть знания представила не унитаз, а высокий, похожий на вазу горшок. А еще, мне не представился туалет, или какая-то отдельная комната. Я явно увидела этот горшок в своей комнате.

И стоящую рядом с ним Лизи.

– Не-ет, – протянула я, все сильнее сжимая бедра и торопясь найти выход из этого нескончаемого коридора.

Легкий, какой-то невесомый смешок впереди подарил надежду, что там я увижу Лизи, и она проводит меня в нужное место, но выйдя в большой зал я увидела дорогие диваны, столик между ними, и...

Сидящих на этих диванах женщин в легких, струящихся шифоном и кружевом платьях. И среди них была Диана. Красная, дышащая так, словно грудь ее стала кузнечными мехами. А ее смешной, похожий на мышиный, носик, так сильно поднялся вверх, что зубки видны были теперь еще сильнее.

– Добрый день, – само вырвалось из меня.

Но вытянутые лица, скользящие по мне взгляды, напомнили, что я в легком халате, босая, и стою перед ними в позе, явно намекающей, что вот-вот не выдержу, и намочу нежно-зеленый ковер под собой.

Это было фиаско!

Глава 4

Вы, наверное, как и я, в первую очередь спросили бы: «Какого черта? Ведь память Стеффани передалась мне вместе с телом?!».

У меня был тот же самый вопрос. Но эта самая новая память не была удобоваримо сложена в моей голове по полочкам, как родная, которая работала без усилий, представляя мне в ту же секунду, как я задумаюсь, нужную информацию. Мне приходилось рыться в новой, как в чужом чемодане без дна.

В тот момент, когда я, по мнению этих леди, предстала пред ними почти голой, в голове моей пронеслось вихрем: «Это – самые главные сплетницы, самые отвратительные женщины в Берлистане! В их компанию входит и Диана. Но... есть один нюанс: эти крысы на самом деле не подруги. За спиной друг у друга они готовы сплетничать о другой с превеликим удовольствием.».

А я только что дала им великолепную, самую нажористую пищу для слухов. Нет, не для слухов даже! Для скандала! В котором будет тонуть, как в болоте, моя сноха, леди Диана Верде, дочь богатого промышленника, вышедшая замуж за моего брата, отпрыска семьи с одной десятой долей королевской крови ради приставки к своему имени. Чтобы называться леди.

Лизи, выскочившая как черт из табакерки на визг Дианы, подтолкнула меня назад и буквально бегом, подталкивая в спину, вернула в комнату.

– Леди, о! Что вы натворили?! Неужели вы и правда делаете это назло леди Диане? – почти плакала Лизи, стаскивая с меня халат.

– Какого черта ты делаешь? – не поддавалась я, снова натягивая рукава. – Я просто хотела в туалет!

– Но ведь, – Лизи подняла на меня глаза, а потом, убрав руки от моего халата, подошла к кровати и пальцем указала на шнурок возле неё. – Дёрните, и я приду. Что с вами? Вы как будто впервые видите меня, – испуг на лице девушки был неподдельным.

– Что ты уставилась? Я хочу в туалет! – уже громко заявила я.

Когда Лизи открыла двери, из коридора донесся плач Дианы. Он нёсся по коридору, отражался от тупика с окном и потом бумерангом летел обратно. Или же она просто выла на одной ноте.

Лизи вернулась через минуту с той самой керамической вазой объемом литров в пять, поставила на пол возле кровати и уставилась на меня.

– Чего смотришь? Иди! – уже с трудом сдерживаясь, пропищала я.

– Куда? – снова словно услышав от меня какую-то дичь, прошептала Лизи.

– Куда-нибудь! – прошипела я, плюнув на неё вконец и присев на горшок, больше похожий на произведение искусства.

За моей спиной послышалось движение, и через секунду девушка предстала передо мной с кувшином и полотенцем.

– Я сама. Поставь тут, – уверенно и уже со злостью сказала я.

– Да что с вами, право слово? Может, и правда стоит показаться доктору, а не противиться, чтобы не случилось того же, что произошло с вашей матерью, – Лизи выбежала из комнаты.

Я доделала все дела, открыла высокий белый шкаф с резными дверцами. Руки как будто действовали сами, и им не требовалось какого-то управления.

Я выхватила бежевое, легкое, как облачко, платье с пышным воротничком и коричневым широким поясом, бросила его на стул, а потом... подошла к кровати, упала навзничь и заплакала.

Слёзы эти были по матери, о которой упомянула служанка. О леди Верде, некогда блиставшей в обществе, об одной из самых красивых, самых добрых женщин графства. О том, что жизнь Стефании после ее смерти стала невыносимой, бессмысленной и до ужаса непредсказуемой.

Мать Стефании и Даниэля была помещена в лечебницу после того, как, пережив нервный срыв, она перестала появляться на людях, разговаривать с мужем, а потом объявила об измене супруга во всеуслышание. Вернее, даже после того как попросила у короля развода.

Я услышала, как Лизи вошла, забрала горшок и, тихо прикрыв дверь, вышла. Боясь спугнуть вывалившуюся на меня складную, ровную, будто рассказ, информацию, я цеплялась за каждое открывающееся для меня воспоминание этой девушки.

Темноволосая Луиза Тереза умерла в сорок лет в лечебнице. Стефании было семнадцать. Имея на тот момент несколько претендентов на ее руку, она знала, что ей завидуют, даже несмотря на то, что девушка потеряла мать. Отец и после смерти жены продолжил встречаться с новой своей пассией, но погиб вместе с той в путешествии. Хотя свою поездку он представлял как деловую. Но люди шушукались.

Говорить ему в глаза, а тем более винить в смерти жены, не собирался никто. Потому что его пост, его деньги, его связи с самим герцогом Коул имели одну прекрасную, обеляющую всё способность.

Семья Стефании была одной из самых известных в графстве. Как мать, так и отец имели близкое родство с обеими ветвями семейств, принадлежавших короне. Когда-то их свадьба, а потом и рождение детей стали главными новостями в королевстве. Породниться с семьей Верде мечтал каждый, кто смел об этом мечтать.

Но карточный домик рассыпался, когда мать по воле мужа, видимо испугавшегося поднимающейся волны слухов, была помещена в лечебницу. А люди быстро заклемили ее сумасшедшей. Потому что обвинять этого «святого» человека, да и вообще перечить мужу, заявлять о нем, как об изменнике, набраться наглости и просить развода, было чем-то из рук вон выходящим!

Слезы продолжали катиться по лицу, когда Лизи в очередной раз заглянула в комнату:

– Я принесла туфли и... нужно причесать вас, леди...

– Хорошо. Потом я погуляю, – уведомила я служанку, вытерла слезы и встала.

Присев в мягкое кресло перед столиком с большим зеркалом, куда указала Лизи, я пыталась опять заострить свое внимание на воспоминаниях, но они снова стали путанными, словно выхваченными из разного времени и из разных мест.

Смочив руками выющиеся волосы, девушка прочесала их мягкой щеткой из щетины, потом, прижав локоны на макушке, остальные Лизи убрала в нетугую косу и, завернув ее на затылке, закрепила шпильками.

Несколько смутив меня, заставила снять сорочку, помогла надеть светлую, доходящую до колена рубашку, широкие панталоны, которые обмотала на талии привязанными к ним длинными шнурками и завязала. После этого перешла к платью, которое я достала из шкафа.

Умело и быстро девушка застегнула на спине мелкие пуговицы, потом, красиво расправив широкий пояс по талии, завязала его сзади бантом.

Усадив меня снова в кресло, задрала подол и принялась натягивать жёсткие, совсем не тянущиеся чулки с завязками. Наконец взяла оставленные возле порога шелковые закрытые туфли на плоской подошве с кнопками, надела, застегнула и попросила встать.

Я наблюдала за происходящим, понимая, что напоминает мне всё это сборы ребенка в детский сад.

И когда она вновь задрала мне юбку, чтобы подтянуть чулки и завязать каждый на бедре, я с трудом сдержала улыбку.

– Идем! – заявила я, устав уже от этого долгого ритуала и мечтая увидеть место, в котором мне, по все видимости, предстояло жить.

– Шляпа, леди Стефания! – снова голосом удивлённой учительницы, которой на недавно выученный урок отвечают неправильно, чуть не взвизгнула Лизи.

Для этого вновь пришлось присесть, дожидаться, когда на голову водрузится коричневая в цвет пояса шляпа, укрепится шпильками над ушами и довольная физиономия Лизи выразит-таки полное удовлетворение.

Наконец мы вышли из комнаты. Вспоминая, сколько на мне верёвочек, я боялась думать о том, что мне придётся делать, если я снова захочу в туалет.

Глава 5

Сад вокруг дома был небольшим, но ухоженным и настолько красивым, что у меня перехватило дыхание. Ровно подстриженные кусты вдоль дорожек, хорошо продуманные цветники без проплешин или растений, которые здесь казались бы лишними. А несколько уютных беседок, увитых плетистыми розами, вмещали мягкие плетеные диванчики с яркими покрывалами и подушками.

Дом оказался одноэтажным и, судя по периметру, который мы обошли с Лизи, квадратным. Он походил на дорогое шале, увиденное мною как-то в журнале, коими наполнена любая парикмахерская и, наверное, салон красоты.

За домом я обнаружила уютную террасу, заставленную цветами в горшках, среди которых была замечена и герань. Да, та самая пеларгония, которую я ненавидела в юности, но любила всем сердцем после выхода на пенсию.

– Не стоит, м-мм, это вотчина леди Дианы, и... мне кажется, пока лучше не попадаться ей на глаза, – прошептала Лизи, как только заметила, что я свернула с дорожки и направилась к цветам.

Прежде чем ей ответить, я прислушалась к себе и не нашла в своих мыслях ничего, кроме отвращения к этому месту. Хотя понимала, что вижу его впервые, и оно мне нравится.

– Хорошо, Лизи, но дом ведь не Дианы. Это наш с Даниэлем родительский дом. Почему я не могу ходить, куда мне заблагорассудится? – мне нужно было больше информации, но спрашивать, как я поняла, нельзя ни в коем случае.

– Леди Диана теперь хозяйка дома, леди Стефания. Конечно... – я заметила, как служанка осмотрелась.

– Что? – мне показалось, что девушка не особо довольна правилами Дианы или еще что-то тревожило ее.

– Если третий ребенок леди тоже окажется девочкой, у вас будут шансы побороться за дом семьи Верде и эту летнюю резиденцию, – очень тихо ответила Лизи, но потом вздохнула и добавила: – Конечно, если вы выйдете замуж и родите сына.

– Ах, ты об этом, – догадавшись, что удивляться подобным деталям нельзя, с наигранной скукой ответила я.

– Зря вы продолжаете выводить леди из себя. Я понимаю, вам тяжело. Но с хозяином вам будет жить куда легче, чем с тетушкой Лилит, – сейчас Лизи говорила совершенно искренне, а во взгляде ее читалась жалость ко мне.

– Ты считаешь? – подняв бровь, я улыбнулась. Девушка вполне могла принять этот мой ответ за шутку.

Я вновь прислушалась к себе, но на имя Лилит во мне не отозвалось ничего. Эта чертова новая память работает с перебоями. Или же я получила не все тома жизни Стефании.

– Уверена. Вдова Бертон любит исключительно деньги. Она, конечно, примет вас, но вы же знаете, кем вы станете в том доме! Поэтому... прошу вас, не злите Диану. Я боюсь, что она надумает разлучить нас. Иногда она так смотрит на меня, – девушка как-то скукожилась, стала будто беззащитной, совсем маленькой птичкой, – что мне кажется: я вижу все ее мысли. И в них есть идея отправить меня из дома, а вам назначить свою служанку. Тогда у вас не останется даже собеседницы.

– Спасибо тебе, Лизи, – я положила руку на ее локоть и улыбнулась. – Я постараюсь больше не совершать таких ошибок. Просто... сегодня утром я проснулась, и... – я не знала, как оправдать свое поведение, которое и правда выглядело так, будто я специально хотела поставить сноху в неловкое положение.

– Думаю, ваш брат все понимает и не обидится на вас. Вы не спали всю ночь после поездки на могилу матери. Я слышала, как вы рыдали, и знаю, что заснули лишь под утро. А еще леди Лилит... нельзя было так говорить о своей сестре, – голос Лизи окреп в ее неистовой борьбе за правду.

Я даже не дослушала служанку, как всполох мыслей сменился с моих на чужой, и передо мной предстала высокая тонкая женщина во всём чёрном. Во всей этой черноте светлым пятном были только узкое, с надменным выражением лицо и седые волосы. Когда я увидела её лицо, поняла, в кого у Стефании брови, которыми можно вести диалоги без слов, показывать своё отношение к окружающим и даже кричать. Это и была ее тетушка Лилит.

– Луиза Тереза как была дурой всю жизнь, так дурой и умерла! – ее, как ни странно, звонкий голос заставил напрячься всех стоящих перед чёрной, до блеска отполированной плитой, на которой золотыми буквами значилось имя, чуть отличающееся от моего.

Из этого стоило сделать вывод: девочка берет длинное имя матери, отсекая имя прабабки, а в начале добавляется свое. Но во всех ли семьях так, стоило ещё узнать.

– Тетушка, зачем вы так в этот день... – слова Даниэля не отражали вообще никакой эмоции. В них не было ни вопроса, ни обиды, ни поддержки. Просто как будто нужно было что-то сказать, и он это сделал.

– Она могла жить припеваючи, коли была бы умнее. А если бы слушала меня, то могла бы оставить вашего отца без штанов. Но Луиза предпочла пойти на поводу у эмоций, у своего сердца. Борьба за правду не может быть громкой, – голос Лилит звучал над кладбищем, как гимн, как самая неприкрытая истина.

У меня навернулись слёзы на глазах. Ощущение обиды, ненависти и беспомощности накрыли меня. Я вернулась к ближайшей беседке, присела на мягкие подушки и дала волю слезам.

Хоть это были не мои слёзы, реветь мне совсем не хотелось. Я поняла, что только вот так, позволяя Стефании на секунды овладеть своим телом, я открываю для себя ту неизведанную область памяти, так необходимую мне сейчас.

– Леди, прошу вас, не вспоминайте, – тихо, почти шёпотом, Лизи попробовала меня успокоить.

– Принеси... чаю. Горячего чая, – подумав, что чай она будет делать дольше, чем нальёт воды, попросила я. И девушка поторопилась уйти.

– А эта ваша Лилит-то... дело говорит, – прошептала я, вытирая слёзы. Может, она вовсе не такая уж и мегера. Хотя орущая Диана не пугала ни меня, ни Стефанию, а больше раздражала. Но тётку Стефания боялась. А еще ненавидела за отношение к её мамочке.

– Тут и книг никаких не надо: вон сколько всего интересного. Если бы не горшок вместо унитаза, то я бы, наверное, даже почувствовала себя счастливой.

– Леди, простите, вы говорите со мной? – незнакомая женщина средних лет в платье, как у Лизи, остановилась напротив беседки и заглянула в нее.

– Нет. Я репетирую пьесу. Иди, не мешай! Мне нужно заучить наизусть слова, – прошептала я первое, что пришло мне на ум. Не хватало еще, чтобы меня, как и прежнюю хозяйку дома, заточили в психушку, залечили там до зеленых соплей, а потом положили под эту черную плиту.

Как только я вспомнила о плите, в моей памяти всплыли цифры. И от этого воспоминания мне стало плохо. Настолько, что закружилась голова. По спине пробежали холодные липкие лапки сквозняка: такое бывает, когда падает давление. Об этом же говорила подходящая к горлу тошнота.

На плите, кроме имени, стояли цифры и знаки:

«16/10/985 – 25/12/1025»

Я легко считала в уме, и получившееся при вычитании значение «сорок» было ничем иным, как её возрастом. Но год рождения и смерти... он и близко не был похож на наше летоисчисление. Да даже если предположить, что я попала в прошлое... что бы тогда меня ожидало? Средневековье? Досредневековье? В этом я была не особо сильна. Но Иван Грозный с его шестнадцатым веком по сравнению с этими цифрами был продвинутым мужиком.

А здесь... прекрасная посуда, зеркала, платья из тончайших тканей, фарфор, розы в горшках, аккуратно и равномерно поджаренный тост!

До этого я, конечно, вскользь представила, что это Италия или Испания, но как минимум конца восемнадцатого века.

Я часто задыхалась, пытаюсь справиться с накатившим состоянием и уговаривая себя не торопиться с выводами: ведь эти цифры могут означать что-то совсем другое.

Глава 6

Даниэль нашел меня сам: сначала я услышала торопливые, неосторожные, явно мужские шаги, потом негромкое: «Стефания, ты где?».

Если честно, в этот момент закралась надежда, что он втайне от жены пожалеет сестру, скажет что-то тёплое, объяснит, что не может иначе. А уже потом, естественно, попросит не злить беременную женщину, которой и без того сейчас совсем непросто.

– Я тут, – тихо сказала я, и он остановился, пройдя уже мимо беседки.

– Ты никогда не любила сад, – он обернулся, сделал несколько шагов и, наконец, заметив меня в этом густом цветочном шатре, удивлённо приподнял брови.

– Возраст, наверно, – попыталась пошутить я.

– Хорошо, что ты сама это понимаешь, Стефания, – он расстегнул аккуратный, явно сшитый специально по его фигуре пиджак и присел напротив.

– Ладно, я сделаю вид, что не услышала этого, – не зная, как с ним говорить, как себя вести и вообще, какие у нас отношения, я попробовала ответить средне: между явной обидой и бесцветным принятием.

– Ты точно больна, сестра, иначе ты сейчас вела бы себя иначе, – да, мой ответ его не просто удивил, он ошалел оттого, что я вообще что-то сказала.

– Нет, я здорова, а вот утром я чувствовала себя не очень хорошо. Потому что столько крика...

– Ты перешла все границы: унизила Диану, показала своё неуважение ко мне, как к хозяину дома. И сейчас продолжаешь вести себя как простолюдинка, разговаривая со мной, вместо того, чтобы встать на колени и просить прощения. Отец уже приказал бы принести розги, – красивые глаза брата будто заволочла некая дымка. Дышал он так осторожно, словно представлял себе уже эту картину с розгами. И ему эта картина нравилась.

– Что ты хотел мне сказать? – я решила не позволять ему довести воображение до нужного накала, чтобы не стать жертвой большого разума или местных правил.

– Ты отказала трём мужчинам, среди которых был близкий к герцогу человек. И теперь я должен решить твою судьбу. Две женщины в этом доме – непозволительная ошибка. Диана – приличная леди. Она моя жена и мать моих детей. Я обязан обезопасить её...

– Так что ты задумал? – недослушав его сиропные речи об этой истеричке, перебила я Даниэля.

– Как ты смеешь? Как ты смеешь перебивать мужчину? – он вскочил. И в тот же момент внутрь вошла Лизи с подносом.

Взбешённый хозяин дома локтем задел металлический поднос, который со звоном рухнул на каменный пол. К нему добавился звон битой посуды, и где-то над нашими головами в ту же секунду раздался плач младенца, а за ним завыл второй.

– Даниэль, прости, я... не хотела, – поняв, что с каждой секундой всё становится хуже и хуже, попыталась хоть как-то сгладить ситуацию.

Испуганная Лизи собирала с пола крупные осколки и, сделав всё, что могла, поспешила ретироваться.

– Я позволю тебе выбор, сестра, – отдышавшись, застегнув пиджак и вернув на лицо благочестивое выражение, тихо сказал Даниэль.

Краем глаза я заметила, что моя служанка вернулась и стояла сейчас за его спиной. Она замерла и свела брови в ожидании его решения.

– Ты выходишь за барона Слинери... – в этот момент Лизи так замотала головой, что я поняла: любой другой вариант будет более желателен, – ...или переезжаешь к тётушке Лилит, – он замолчал. А Лизи за его спиной закивала в знак согласия.

– Я должна обдумать твоё предложение, – тихо ответила я, надеясь на то, что Лизи как-то обоснует свои эмоции по отношению к этому неизвестному мне господину.

– Сейчас. Ты ответишь мне сейчас, Стефания. Или барон, – настойчиво крутящая со страшно выпученными глазами головой служанка. Словно поняла, что я не знаю никого из этих людей, и пыталась спасти меня от незавидной участи, – или тётка. В любом случае, я положу на твоё содержание необходимый минимум.

– Я согласна на тётку, – решив довериться Лизи, ответила я. Но счастья в ее глазах я не заметила.

– Ты уедешь завтра утром. А сегодня я сообщу ей о твоём решении. Она приготовит твою комнату, – брат, который должен был помочь, защитить, объяснить и поддержать, удовлетворённо выдохнул и быстро вышел из беседки. Лизи тенью прошла внутрь и, не поднимая на меня глаз, почти рухнула на краешек дивана. Плечи ее опустились, и мне казалось, девушка вот-вот заплачет.

– Ты же сама предпочла выбрать тётушку? – не понимая, спросила я.

– Это лучшее из двух зол. Но злом этот выбор быть не перестал, – бесцветно ответила Лизи.

– Ты поедешь со мной? – уточнила на всякий случай я.

– Я никуда от вас не денусь до самой вашей смерти, леди Стефания, – обречённо ответила служанка.

– И тебя это явно не радует, – заметила я.

– Вы могли быть графиней, если бы выбрали графа Коула в пятнадцать. Сейчас у вас была бы уже свора ребятишек, мы жили бы в замке на вершине, а по утрам все леди графства мечтали бы оказаться на вашем завтраке, – всё так же бесцветно произнесла Лизи.

«Неужели я сама в пятнадцать лет отказала жениху? Но ведь мать ещё была жива...», – задала я вопрос куда-то внутрь себя.

– Я не могла ничего изменить, – произнесла я фразу, благодаря которой Лизи могла бы рассказать чуть больше.

– Ваша матушка испортила жизнь и себе, и вам, – подтвердила мои догадки служанка. Но потом тяжело вздохнула и как будто заставила себя ожить, смирившись со случившимся. – Я должна начинать сборы. На это уйдет весь сегодняшний день и, скорее всего, ночь, – она поднялась, поклонилась и вышла.

Я не предложила свою помощь, потому что у меня было слишком мало времени на то, чтобы успеть разведать хоть что-то ещё.

Обойдя особняк по саду, я вновь нашла сходство с виденными мною виллами подобного плана. Естественно, в кино. Это могла быть Куба, Испания, Италия. Все здесь дышало конкистадорским шиком: временем, когда признание короля приходило с несметными богатствами, принесенными в казну.

Но я никогда не слышала такого названия, как Берлистон. Конечно, я могла попросту и не знать его. Но что-то мне подсказывало, что вся эта история с герцогами, графами и, конечно, королём подразумевает наличие и королевства. Узнай я, о каком королевстве идёт речь, всё подтвердится, и я преспокойно узнаю место, куда меня занесло.

Но вторая часть сознания, словно хитрый шулер, вынимал и вынимал из рукава карту с датами, между которыми теплилась жизнь матери Стефании.

По-южному белоснежные стены виллы романтично шептали о близости моря, где в гавани могут стоять великолепные корабли, а на побережье снуют нетрезвые матросы, грузчики, переносящие привезенный из далёких стран или же отнятый в боях драгоценный груз.

Мне хотелось выйти за ограду поместья, столбы которой были украшены фигурками ангелочков или похожих на них созданий.

Если прислушаться, на улице за трехметровой стеной кипела жизнь. И я отправилась искать ворота, чтобы хоть одним глазком увидеть мир за границами этого дома. Дома, который я скоро покину. А что меня ждёт за его пределами, мне только-только предстоит узнать.

Глава 7

Поскольку ходить я умею почти неслышно, плавно и можно даже подумать, чуть касаясь земли подошвами, этот диалог я услышала издали. Ровно там, где и были высокие, искусно сделанные кованые ворота. Замерев под раскидистой плакучей ивой возле малюсенького, явно рукотворного пруда, прислушалась.

– ... к этой старой ведьме... навсегда! – шептал женский немолодой голос, обладательницу которого я не могла рассмотреть из-за живой изгороди.

– Боги! Бедная леди Стефания, наша несчастная птичка даже не представляет, что её ждёт, – второй, более молодой голос совершенно искренне выражал жалость. И обращена она была на меня.

– Все слуги так её боятся, что не смеют ни с кем разговаривать, – осторожно добавила первая, но потом моментально шикнула, видимо, услышав меня или кого-то, кто приближался к ним.

Жалости к себе я не испытывала. То ли потому, что этот вариант продолжения жизни всё равно был лучше, чем оказаться в каком-нибудь явно гарантированном мне аду, то ли потому, что я не знала ещё, на что согласилась.

«Она просто старая женщина и, судя по всему, моложе той, настоящей меня, прожившей очень длинную жизнь и точно знающей, как со стариками нужно обращаться.», – подумала я, хмыкнув, и аккуратно пошла назад.

На ужин меня пригласила Лизи. К этому времени я уже вернулась в комнату, которая напоминала гримерку как минимум пяти актрис: платья, чулки, коробки со шляпками были рассредоточены по всем поверхностям, куда что-либо можно было положить или повесить.

Служанка в какой-то момент, словно действуя по указке только ею слышимого звоночка, вдруг оставила тряпки и вышла. Вернулась она с улыбкой и словами:

– Леди Диана ждет вас за семейным ужином.

– Ну, ты же проводишь меня? – уточнила я, понимая, что ничего хорошего от этого ужина ждать не следует.

– Конечно. Но потом я оставлю вас там, чтобы успеть все сложить, – она окинула взглядом мою комнату.

Я осмотрелась, понимая, что комната эта мне нравится. Нет, даже не просто нравится, моё сердце трепетало от мысли, что я уеду из этого светлого и уютного гнездышка, так и не пожив здесь. А потом вспомнила великолепный сад, и мне стало еще грустнее.

Ужин проходил в большом зале. Там же, где я утром застала Диану с подругами за завтраком. За полупустым столом уже сидели хозяева дома. Я постаралась не встречаться взглядом ни с одним из них. Когда Лизи помогла мне усесться за стол, отметила краем глаза, что в руках моего брата и снохи вилки, и тоже взяла прибор.

На тарелке передо мной лежала куриная ножка, несколько кусочков овощей и тонкий, почти прозрачный кусочек белого хлеба.

– Надеюсь, леди, что были у меня на завтраке, снова вернутся в мой дом, – специально с нажимом на «мой» непонятно кому сообщила Диана.

– Я уверен, что все наладится, дорогая. Скоро всё будет как прежде, – подобострастно откликнулся Даниэль.

«Подкаблучник сраный.», – пронеслось в голове, и эта мысль заставила улыбнуться. «А что, если сказать это вслух?».

– Ты считаешь, что горе, которое ты принесла этому дому, может вызывать смех? – голос Дианы сорвался моментально. Эта психичка швырнула вилку на стол, а я... я даже не посмотрел

рела на неё. Никакой жалости к пусть даже беременной женщине я не испытала. Наоборот. Моя душа требовала отместки за мою судьбу, за отношение к близкому человеку хуже, чем относятся к чужим.

Даниэль принялся успокаивать свою психопатку-жену, а я, доев ломтики, похожие на отварной картофель, положила вилку и, взяв куриную ногу пальцами, обглодала её, не упустив радости похрустеть любимыми хрящиками. Давно я этого себе позволить не могла за неимением зубов. И счастлива была теперь настолько, что и словами не передать.

Выпив воду из бокала, я надеялась икнуть, но еды было так мало, что желудок только мяукнул неслышно, словно спросил: «и это все?».

Не дождавшись больше ничего и отметив, что брат ковыряет куриную ногу вилкой, борясь с раздражением, не приподнимаясь со стула, я отодвинула его от стола. Скрип разорвал тишину зала. Мне показалось, что после него я услышала скрип зубов Дианы.

– Спасибо за ужин, – взглянув, наконец, на своих родственников, произнесла я и, напевая что-то из своего любимого, вышла из столовой.

– Ой, вы уже поужинали? – Лизи даже ошалело отпрянула, когда я вернулась в комнату.

– А что там есть-то? Лизи, ты можешь ответить мне честно на один вопрос? – я отодвинула коробки со шляпами с края кровати и уселась на него.

– Конечно, леди...

– Почему ты обязана быть со мной до моей смерти? Не спрашивай ничего. Просто ответь! – грозно предупредила я.

– Ну... меня же продали вам, леди...

– Как это: продали? – вся моя грозность моментально улетучилась.

– Ну...

– Прошу, не нукай, расскажи! – взяв себя в руки, приказала я.

– Родители продали меня в дом Вердэ, как только мне, как и вам, исполнилось шесть лет. Я ваша вечная напарница. Я младшая в семье, и родители были счастливы, что удалось пристроить лишний рот в этот дом, леди, – девушка уставилась на меня, как на привидение.

– Моя личная? Больше ничья? – уточнила я.

– Конечно. Леди Вердэ заплатила моей семье за всю мою жизнь...

– И ты будешь верна мне до конца моих дней?

– Конечно! – это Лизи сказала с особенным удивлением, словно такие-то вещи знает каждый. Потом подумала и добавила: – Мои бумаги у вас, и в них есть запись от моего отца. Вы выдаёте меня замуж за слугу мужа или человека из его дома, но не в коем случае не расстаётесь со мной. Я могу стать кормилицей ваших детей, как Ванесса когда-то стала вашей кормилицей... но у неё рождались лишь сыновья, и леди Вердэ, вашей матушке пришлось взять меня, чтобы у вас с детства была компаньонка.

– Отлично, Лизи. Тогда я должна тебе кое-что сказать. Присядь, я похлопала на свободное место рядом с собой, но девушка отшатнулась. – Садись, – уже более настойчиво сказала я, и она присела на самый край.

– Что-то случилось с моей памятью. Может, ударились где-то... Я не падала, ты не помнишь? – я глянула на девушку, и та покрутила головой. – Так вот, Лизи... я не помню ничего из своей жизни.

– Ка-ак? – девушка привстала, повернулась ко мне, а потом присела к моим ногам, обняла их и так горько заплакала, что я сначала даже испугалась.

– Это не страшно, как и то, что мы уезжаем. Но ты сегодня должна рассказать всё, что мне нужно знать. Иначе... – я вдруг подумала, что не знаю, что происходит со служанками, когда их леди, допустим, помещают в психушку или она погибает. – Если со мной что-то случится... какова твоя судьба?

– Это будет решать ближайший родственник. У вас это брат или ваша тётка, – при упоминании тётки глаза её стали такими большими, что я поняла: переживать мне не за что. Она понимает, что моё благополучие сейчас – гарантия её более-менее спокойной жизни.

– Так вот. Нужно, чтобы никто об этом не узнал. Иначе, уверена, Диана не захочет иметь дома мою служанку. Тебя точно отдадут в дом Лилит. Поэтому, милая, ты должна мне помочь. Это сейчас важно для нас обеих. Даже важнее, чем моя одежда, – я заметила, что чулки сложены настолько аккуратно, что меня начало подташнивать.

– Конечно, леди. Я готова во всём вам помочь. Спрашивайте, что вы хотите знать? – девушка, наконец, осознала всю серьезность ситуации и взяла себя в руки. А я поняла, что эта девушка просто из обычного закона логики не сможет мне навредить, и на душе стало легко.

– Раз вариант с бароном мы уже отмели, мне неинтересно почему. А вот вариант с тёткой... чем он плох?

– Всем, леди. Её дом – тюрьма, в которой все ходят, когда она говорит, и стоят, когда она велит. Там даже разговаривать нельзя, пока она не позволит или не спросит. А еще... она владеет несколькими домами для стариков...

– И что? Это ведь значит, что она добра к пожилым, помогает тем, кто не может позаботиться о себе. И все это она делает без мужа. Она же вдова? – попытожила я.

– Она – чёрт в юбке, леди. Говорят, она и мужа в молодости сама... это..

– Убила? – уточнила я.

– Говорят...

– Кто говорит? Если ты сейчас мне рассказывала, что у неё дома нельзя говорить?

– Она сама на это намекает, – прошептала Лизи и снова расплакалась.

– А вот это мы ещё посмотрим, милая, ещё посмотрим. Умывайся, и мы продолжим разговор. А я помогу тебе всё собрать.

Я принялась абы как складывать в тряпичную плотную коробку свои чулки. А плачущая девушка смотрела на это с ещё большим испугом.

Глава 8

За завтраком стояла такая тишина, что тикающая стрелка часов отдавалась в голове колокольным набатом. Одетые так, словно только что явились с высокого приема, брат с женой, сидя с прямыми спинами вкушали отвратительнейший в моей жизни завтрак. Совершенно серая, совсем не соленая каша была сухой, будто зерна залили недостаточным количеством воды, и после этого они стояли не меньше суток, теряя хоть какую-то влагу.

– Я знаю, что вы рады выпроводить меня поскорее, любимые родственнички. Не хотела ничего особенного говорить, но должна признаться: я с радостью покидаю этот дом. Еда здесь дрянь, вы напыщенные куклы. Один только дом вызывает сожаление. Дом хорош! – я переложила туго накрахмаленную салфетку с колен на стол.

Радостно, не привстав, громким скрипом разрывая замогильную тишину, подвинула стул, и направилась в сторону выхода. Где с моим несессером, одетая, как и я, по-уличному, ожидала меня Лизи.

– Нам песня строить и жить помогает... – напевала я, с улыбкой подходя к своей напарнице по ссылке.

– Карета леди Лилит прибыла. Ваши вещи уже уложены, леди Стефания, – тихо сообщила Лизи.

– Адъёс, черти скучные! – не поворачиваясь к ненавистной паре, махнула им над головой тонкими, почти невесомыми перчатками, поданными мне Лизи, и принялась их натягивать. Потому что, как проинформировала она меня, «на людях леди не показывают руки без перчаток».

Я не хотела верить, что жизнь здесь так уж плоха. Потому что если это жизнь, мне уже всё нравилось, и никто не мог отбить мою любовь к ней!

Карета, похожая на «воронок», только средневековый, ожидала за воротами. И я, наконец, попав на улицу, даже не посмотрела по сторонам, потому что транспорт шокировал сильнее всего, что случилось со мной здесь за всё время. А точнее за два неполных дня.

Черный короб, стоящий на рессорах и запряженный в пару таких же черных лошадей, казалось, послала за мной не тетка, а сам Танос, чтобы доставить в царство мёртвых. Мелкая решетка на небольшом окне только подтверждала предположенное мною. Резные финтифлюшки, украшающие «коробчонку», радовали глаз и «веселили» так же, как рюши на гробе моей соседки, такой же стародавней бабки, какой была я, но ушедшей пораньше.

– Моя тётка владеет тюрьмами? И прислала за мной рабочий транспорт? – глянув в глаза мужчины, открывшего передо мной дверь, спросила я. Он и ухом не повёл, и мой вопрос остался висеть в воздухе.

Внутри всё было не так уж и плохо: обтянутые бархатистой синей тканью диваны вполне впечатляющей мягкости и высоты. Ненавязчивый, видимо, оставшийся от хозяйки или используемый тут постоянно аромат лёгких духов. И даже подлокотник, на который я оперлась сразу, как за нами с Лизи захлопнулась дверь.

– Хорошо, что внутри все синее, а не красное, иначе было бы ощущение, что сажусь в калошу, – хихикнула я, но Лизи мою шутку не оценила, а лишь свела брови.

– Синий – цвет дома леди Лилит, – проинформировала она.

– А какого чёрта карета выглядит как гроб на колёсах?

– Что? – Лизи снова свела брови.

– Ладно, беру свой вопрос назад.

Я намеревалась смотреть в окно, знакомиться с неизвестным мне городом и надеялась узнать место и время.

– Не нужно так близко держать лицо, леди, – Лизи была несколько взвинчена.

– А что? Могут плюнуть простолюдины? – хохотнув, спросила я.

– Что вы, этого здесь не дозволено...

– Значит, запрещено. Зна-ачит, были попытки?

– Нет, что вы. Кареты лордов пропускают все возницы! Большая честь служить лордам в БерлиSTONE и во всем графстве Коул. Все они имеют королевскую кровь, – я услышала в голосе служанки гордость.

Неширокая дорога явно вела под горку, и мне прекрасно были видны бесконечные сады, довольно чистые улочки и редкие дома, утопающие в зелени.

А потом возница приказал занавесить окна, и Лизи беспрекословно выполнила его указание: задвинула шторку по протянутой над и под окном верёвке.

– Еще чего! Нет уж, мне очень интересно, что мы сейчас увидим, – я обратно расчехлила окно.

– Это рабочий район. И мы не можем его объехать: местность гористая. Запахи здесь такие, что можно пропахнуть.

– Чем? – мне стало неуютно.

– Дымом, плавящейся рудой и еще чем-то, – было ощущение, что Лизи описывает то, о чем не знает сама, а лишь слышала краем уха.

Когда дорога вильнула и въехала в узкую улочку, где с трудом разъехалась наша карета и телега с высокими бортами, я замерла. С обеих сторон высились кирпичные трехэтажные здания, увитые, как плющом, железными лестницами. Застеклённые окна в них были такими грязными, что не было сомнений – это фабрика.

Запах и правда стал резким, щекотал в носу и вызывал желание чихнуть. Люди, бредущие вдоль зданий по узенькому тротуару, казалось, не замечали этого запаха: смеялись, разговаривали, поднимали руку и с улыбкой приветствовали друг друга.

Все мужчины одеты похоже: штаны на подтяжках, серая рубашка, безрукавки разных фасонов, кепки. Лица грязные, как и руки. Но всех объединяло одно – они улыбались друг другу, хлопали друг друга по спине при встрече и торопились дальше, видимо, по делам.

Женщин в этом районе я увидела лишь пару: невысокую молодую девушку лет восемнадцати в коричневом шерстяном платье с воротничком серого цвета, в шляпке и с мешком в руках. И женщину лет сорока в синей блузке, заправленной в пышную и длинную юбку с широким поясом. Она несла пару корзин, накрытых тряпками. Тоже в шляпке, туго подвязанной под шейей.

«Женщины здесь тоже работают или эти забрели по делам? Может, принесли обед мужьям или просто шли мимо района? Ведь Лизи сказала, что миновать эту улицу невозможно.», – обдумывала я, вовсе не переживая о встрече с тёткой.

Минут через двадцать, когда фабрики и склады закончились, дорога стала шире и как будто веселее. Только когда я увидела деревья и больше людей разного пола, поняла, что мы въехали в жилой квартал. Двух- и трехэтажные такие же кирпичные дома, между которыми натянуты верёвки с сохнувшим бельём, бегающие дети, женщины, продающие что-то с лотков, собаки.

– Долго ещё? – специально громко, чтобы услышал возница, спросила я.

– Через десять минут будем на месте, леди, – спокойно и без эмоций ответил мужчина снаружи.

– Ужасно, правда? – Лизи с трудом сдерживала слёзы, смотря на улицу.

– Что ужасного? – я внимательно посмотрела на людей, но не нашла то, что назвала бы ужасным.

– Жить здесь ужасно, леди. Всё это ужасно: нищета, этот запах, эти страшные дома и улицы, эти люди, – она вела себя как кисейная барышня, и я поняла, что мне сейчас должно

было быть ещё хуже. Но я, казалось, просто выехала в путешествие по местам, где никогда не была. И ничто не испортило бы мне настроения!

Глава 9

Миновав этот район, карета выехала в поле, потом в жидкий лесок, где пение птиц и запахи густой, напоенной влагой зелени снова вернули меня в хорошее настроение.

Дом моей тётки я увидела издали. Карета объезжала озерцо, и прямо перед окном предстала двухэтажная усадьба. Из-за высоченного забора виден был только второй этаж и черепичная крыша. После дома, из которого мне пришлось уехать, этот казался чопорным и слишком похожим на дома, которые я видела в фильмах.

Мне, почему-то сразу вспомнился роман «Гордость и предубеждение». Кареты, усадьбы, напыщенные барышни, вроде моей снохи, ограниченные и смиренные, живущие чужой жизнью слуги.

Дорогой читатель, мне тогда казалось, что моя роль в подобных романах незавидна. Как правило, ни одна героиня со штампом «старая дева» никогда не оказывается в конце счастливой. Да что там... если на неё и обращают внимание, то в виде благодарности за помощь главной героине ей «посчастливится» выйти замуж за лысого, но обязательно доброго, хоть и бедного эсквайра.

Да, в тот момент я представляла себя героиней викторианского романа. Не главной. И, въезжая в ворота своего нового дома, могла только представлять, что меня ждёт. Но, как оказалось, представление моё довольно ограничено. В отличие от видения тётушки.

– Добро пожаловать в Бертон Холл, леди Стефания, – у порога с ничего не выражающим лицом меня встретила женщина лет тридцати. Гладко причёсанная, в чепце, темном платье и белоснежном переднике. Руки она держала перед собой, сцепив пальцы.

– Спасибо, – я посмотрела за ее спину.

– Леди Бертон уехала по делам и велела показать вам комнату, а после накормить обедом, – всё так же бесцветно ответила на мой молчаливый вопрос прислуга. – Я Оливия, – она, наконец, расцепила руки, чуть поклонилась и прошла в дом.

Лизи шла за мной, неся мой несессер, и мне казалось, она с трудом держится, чтобы не завывать.

А взвыть было отчего. Дом внутри был тёмным, недружелюбным, как служанка. Сразу на входе пахло тем самым ароматом из кареты. В большой гостиной с занавешенными порттьерами мерно тикали часы. Тёмно-синие стены, скорее всего, были затянуты тканью, но в полумраке это было не очень понятно. В отличие от дома Вердэ, похожего на счастливую виллу в Испании или Италии, этот дом переносил гостя в старую чопорную Англию.

– Слуги занесут ваш багаж, а я пока подам вам чай, – Оливия указала на диванчик, куда я послушно присела. Лизи встала позади меня, и я слышала, как скрипит ручка сундучка в ее руках. Видимо, девушка тёрла ее, нервничая.

Здесь вести себя как мне хочется не позволяло что-то внутри. Видимо, здравый смысл, доведший до моих мозгов, что в следующие руки, как котёнка, гадящего в неподобающем месте, меня не передадут. Если тётка окажется мной недовольна, мне светит что-то типа «мешок – и в реку». Ну, я, конечно, образно, но, не зная местных правил, этого тоже не стоит исключать.

– Прекрати скрипеть, – шикнула я на Лизи, и в комнате воцарилась тишина, от которой стало еще тошнее. – Ладно, скрипи дальше, – добавила я, и в этот момент Оливия внесла поднос с чашкой чая и... чем-то очень похожим на пирожное. После столования в доме брата, который в общем-то был и моим, мне это угощение показалось миражом.

– Я проверю, занесли ли вещи, и как только все будет готово, приглашу вас отдохнуть в вашей комнате, – Оливия, к счастью, отчалила.

– Видите, леди Стефания. Хозяйки нет дома. Какие дела могут быть у благочестивой вдовы до обеда на улице? – прошептала Лизи.

– Конечно, ты права! Скорее всего, она прямо сейчас охмуряет мужчин, чтобы к вечеру их придушить в постели, – страшным голосом произнесла я, потом обернулась к замершей Лизи и почти прокричала: – Прекрати, глупая! Если ты будешь трястись и нести чушь, мне придётся с тобой расстаться!

– Расстаться? Как, леди? – девушка, похоже, была на грани.

– Я подумаю над этим. Если что, попрошу тётушку, – это я сказала зря, потому что сразу после упоминания моей родственницы позади послышалось мягкое «бумк».

Мне пришлось встать, приподнять свою малохольную Лизи и проводить ее на диван. Потом дать отпить чая из своей чашки, а после него и кусочек пирожного.

– Вы так добры ко мне, леди, – жуё мое пирожное, оказавшееся чем-то очень похожим на морковный влажный пирог со сливками, Лизи смотрела на меня своими коровьими добрыми и благодарными глазами, и я решила придержать шутку о том, что это не угощение, а проверка: не подсыпала ли тетушка яда в пищу.

– Кроме тебя я не могу никому больше доверять. Поэтому, прошу тебя, Лизи, становись уже поумнее, и не надо принимать всерьёз каждое моё слово...

Вот здесь, дорогой мой читатель, стоит остановиться и запомнить сказанное мной этой дурочке. Потому что в будущем эта фраза сильно изменит мою жизнь.

Предоставленная мне комната оказалась большой. Конечно, не такой большой, как в моем прежнем доме. Но здесь имелся вместительный гардероб, широкая кровать, письменный стол с принадлежностями, столик для... я назвала его столиком для самолюбования. Мягкая кушетка перед ним намекнула, что здесь меня будут причёсывать и облекать во все эти тугие чулки, шнурочки на безразмерных панталонах и прочее, прочее отвратительно лишнее.

Окно выходило в сад, за которым я видела то самое озеро. Мне видна была дорога, по которой сейчас мимо катила карета. И она не была черной. Светлая, на солнце блестящая лаком. Я даже смогла различить на дверце большое открытое окно, на котором трепетала газовая шторка.

– Вот это да! А я ведь без очков на близь и даль раньше

ничего не могла рассмотреть. А сейчас... будто с подзорной трубой, – пробубнила я

Раздевшись, и, наконец, собиравшись облачиться в домашний халат, я чуть не закричала, когда в комнату вошла Оливия. Я поторопилась натянуть рубашку и стояла, открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на берег.

– Леди, если вы не хотите обедать, пришло время дневного сна, – служанка с размахом раскрыла постель, а потом вытащила из-под высокой кровати невысокую тумбу длиной метра полтора. – Ты, – обратилась строго к Лизи, – будешь спать ночью здесь. А сейчас я должна показать тебе всё что нужно. Прихвати одежду леди, и сразу её постираешь, – Оливия командовала, как генерал: всё с тем же непререкаемым тоном.

– Я не хочу спать. Я хочу выйти в сад, а после пообедать, – объявила я.

– В рубашке? – замерла Оливия.

– Я надену халат и выйду на задний двор, – на всякий случай детально описала свои планы.

– Не вздумайте сделать это при хозяйке. Единственное время, когда вы надеваете халат – время перед сном. Всё остальное время вы должны быть в корсете, платье. Лицо ваше должно быть белоснежным, а спина прямой, – оповестила меня служанка.

– Я. Не. Хочу. Спать! – с остановками отчеканила я, понимая, что не могу сдержать уже эмоций.

– Тогда Лизи поможет вам одеться, – Оливия осмотрелась и, заметив только что снятые мной вещи в кресле, бегло осмотрела всё, включая бельё. – А где ваш корсет?

– Я не ношу корсеты! – заявила я.

– Это тоже не стоит сообщать леди. Сейчас я принесу вам один из тех, что она велела отдать. Я скоро, – с этими словами женщина вышла из комнаты. Я, не раздумывая, бросилась к двери, чтобы закрыть ее изнутри, но оказалось: ни щеколды, ни замочной скважины на двери не имелось.

Зато снаружи я увидела задвижку.

Вернувшись в комнату и поняв, что только так меня могут оставить в покое, сбросила халат и залезла под одеяло.

Лизи присела на стуле возле окна и, кусая губы, рассматривала трясущиеся пальцы.

– Нам просто нужно время осмотреться и всё понять. Нам нужно время, и ты должна быть в это время сильной. Поняла? – прошептала я.

Девушка покачала головой в знак согласия, и, услышав шаги за дверью, резко встала.

Глава 10

Я хотела просто подумать, лёжа в постели, но не поняла, как заснула; кровать была уж очень удобной. Когда открыла глаза, увидела сидящую на стуле возле окна Лизи. Она смотрела в окно и кусала губу. Взгляд ее беспокойно бегал по невидимому мне пейзажу.

– Долго я спала? – спросила я, сначала потянувшись, чтобы не напугать и без того перепуганную служанку.

– Пару часов, леди, – она с радостью встрепенулась. – Здесь нет звоночка, и мне полагается всегда быть при вас. Спать ночью я тоже буду здесь, у вас в ногах.

– Этот вопрос мы решим, милая, – я встала, осмотрелась. Лизи будто поняла, что я ищу, и принесла от порога горшок. Я поморщилась, и она отвернулась к окну.

Корсет оказался страшной штукой. Если ходить в нем было еще куда ни шло, то вот сидеть... Если ты хоть чуточку наклонишь корпус, жёсткая конструкция упиралась в бедра и ребра. В общем, здесь проще было прикидываться сонной мухой и не вылезать из постели, чтобы не надевать эту пыточную деталь гардероба.

Но сейчас мне хотелось осмотреться.

– Леди Лилит еще не приехала? – поинтересовалась я у Лизи.

– Нет. И очень странно, что леди весь день где-то пропадает.

Я не стала шутить на тему сбора невинных младенцев для ужина, и снова терпеливо сносила все эти шнурочки и чулочки, натягиваемые на меня в этот раз с еще большим остервенением.

Тёмные коридоры, узкая и, слава Всевышнему, не крутая лестница, мрачная и совсем не уютная гостиная – всё утопало в каком-то депрессивном сумраке.

– Леди, ужин будет через пару часов. Леди к этому времени обычно возвращается, – сообщила Оливия, выскочившая откуда-то так неожиданно, что я чуть было не подпрыгнула.

– Я бы хотела поужинать сейчас, – настойчиво глядя прямо в её лицо, ответила я. Она в это время рассматривала мою талию. – Ты меня слышишь? – еще более грозно добавила я и заметила, что её до этого слишком уж безэмоциональная физиономия выразила легкий испуг.

– Не положено, леди, – сквозь зубы сказала Оливия и хотела было уйти.

– Стоять! – крикнула я, и та замерла. – Мне показалось, или ты считаешь себя хозяйкой в этом доме, Оливия? – эта роль мне давалась плохо. Я не была в жизни грубым человеком: даже с теми, кто дерзил, старалась быть доброй. Но это не значило, что мне была неведома месть.

О! Это сладкое чувство отмщения! Но и ею я пользовалась исключительно в случае крайней нужды, когда оппонент оказывался дрянью высочайшего разряда.

– Ужин будет, только когда леди вернётся, – продолжала Оливия, но в голосе больше не было приказного тона.

– Тогда подай чай и... что-то с чаем. Если в саду есть беседка или веранда, я с удовольствием выпью чай там, – жалея, что послушалась эту стерву и напялила корсет, спросила я.

– Есть, но там не принято пить чай.

– Я не спрашивала тебя о том, что здесь принято, а что нет. Если есть в саду стул, на нем можно сидеть. Правильно? – мне начал нравиться диалог, в котором я вела. – А если есть столик, значит, на него что-то можно поставить!

– Верно, но чай... – начала было Оливия.

– Быстро: чай на улицу! – перебила я ее почти криком. И она вышла из гостиной. Я махнула Лизи ладонью, приглашая пойти за мной, и вышла на воздух. Сразу стало легче дышать, а взгляд, обьивший безграничные просторы после тесной и смурной гостиной, выхватывал то один прекрасный пейзаж, то другой.

Мы обошли дом по каменной дорожке, и я отметила, что между камнями проросла трава, кое-где доходя уже до щиколоток. В прежнем доме такого упущения я не встретила во всем саду.

Дом опоясывала дорожка, по которой, скорее всего, разворачивались кареты. На заднем дворе, чуть заросший травой, хозяйничал сад. Здесь же, на выложенной камнем площадке, стояла пара кованых столиков, а вокруг них – три пары таких же стульев. Мы прошли сад насквозь, прямо по газону и вышли к конюшне, возле которой стояла, как ни странно, светлая, такая же блестящая, как я видела в окно, карета. Чёрной не было. Мужчины чистили лошадей, пасущихся за высокой перегородкой, женщины сутились возле соседнего строения. Оттуда доносилось бляение коз.

– Леди, чай я подала в сад, – голос Оливии заставил замереть. Я обернулась и молча кивнула, мол, поняла.

– Что мы здесь делать будем? – грустно спросила Лизи, пока мы медленно шли по саду обратно.

– Видимо, то же, что делали дома: я ничего, а ты будешь выносить горшок, – хмыкнув, ответила я, и Лизи вздохнула.

– Что ещё нам будет за то, что ослушались Оливию? Она ведь расскажет обо всём леди...

– Хватит ныть, Лизи. Давай продолжим с тобой нашу беседу, – я прикинула, сколько от столиков до ближайшего окна в доме, и решила, что если сесть к дому спиной и говорить тихо, никто нас не подслушает. В случае особой важности беседы можно гулять по саду.

– Там, левее, в доме есть дверь, она чуть приоткрыта и за ней кто-то стоит, – испуганно прошептала Лизи, когда мы уселись. Причём я заставила ее сесть рядом, хотя это было строго запрещено.

– Если бы в наш дом приехал кто-то новый, ты бы тоже любопытничала и сейчас наблюдала бы. Итак, Лизи, что ты ещё знаешь о моей тётке? Рассказывай всё, только уточняй, что ты услышала в доме Вердэ от хозяев, а что от слуг или где-то на улице.

– Она злая. Содержит бедных, несчастных, никому не нужных старух и получает за это поддержку от графа или даже от короля... бедные женщины живут там в холоде и голоде, а она тратит деньги, положенные на уход за ними...

– Это кто сказал? – перебила я её.

– Это говорили в кухне у Вердэ. Когда там узнали, что вы отправитесь к тётушке, очень громко все вам соболезновали.

– Ладно, а мой брат или Диана? Они что-то раньше говорили о ней?

– Только то, что она продала бы душу дьяволу, чтобы завладеть домом Вердэ, хоть никакого отношения к нему не имеет. Это лорд Даниэль злился и ходил туда-сюда... После того как вы посещали могилу матери, где леди Бертон обвиняла вашего отца в её смерти.

– Та-ак, это мы уже слышали. Ещё что-то? – я надеялась на какую-то более полезную информацию.

– Ну вот ещё и про её мужа. Она убила его, когда была молодой. Говорят, что она родила ребенка, и он оказался уродом, – Лизи до того снизила громкость голоса, что мне пришлось склониться к ней ещё сильнее. – А уродцем он родился потому, что лорд Бертон бил ее, когда она была на сносях. Во-от... и ребенок этот потом пропал. Никто не видел её с ним. А повитуха, что принимала роды, тоже так и не нашлась... Но это я знаю только по слухам, леди.

В этот момент мимо нас проехала черная карета. Я на автомате отодвинулась от Лизи, наблюдая, как “транспорт из ада” вильнул за сад и, скорее всего, направился к конюшне.

– Хозяйка приехала, – голосом, полным ужаса, прошипела Лизи.

– Мне кажется, или только я могу тебя ругать, хвалить и вообще...?

– Только вы, леди! – выпалила Лизи.

– Тогда я больше не хочу слышать и видеть твой испуг! Прекрати, или я передам тебя леди, и она лично будет решать, что с тобой делать. Мне нужна помощь, а не трясущаяся, как ветка на ветру, девчонка, – серьёзно отчитала я Лизи и доела пирожное, вкус которого можно было сравнить с самыми лучшими десертами из моей прошлой жизни.

Посидев еще пару минут, я вдруг вспомнила, что не задала самый важный вопрос.

– Лизи, а как называется королевство, в котором мы живем? – вкрадчиво, почти с нежностью спросила я.

– Эсмар! – уверенно и всё с тем же удивлением ответила моя напарница.

– А о других королевствах ты что-то слышала? Знаешь, может, про Испанию или Британию... а может Нортумбрию? – уже понимая, что я совсем не там, где надеюсь оказаться, спросила я.

– Нет, леди. Знаю, что есть Ольман, есть Дастарк. Но слышала про них только потому, что лорд Даниэль читал вслух газету. Всю неделю обсуждал он с другими лордами в саду недавно начавшуюся между ними войну, – Лизи сводила брови, видимо, вспоминая точнее, о чём именно говорил мой брат.

Надежда теперь покинула меня. Да, если бы я оказалась в прошлом, легче бы не стало. Но я знала историю, и это хоть как-то помогло бы мне. Но здесь, в королевстве Эсмар, в графстве Коул, законы могли быть совсем неожиданными для меня. И мне стоило попридержать язык, чтобы не оказаться на костре или, в крайнем случае, в психушке.

– Девочка моя, ты здесь! – знакомый мне из воспоминаний прошлой Стефании голос, хоть и пожилой, но чистый, без скрипа и надрыва разорвал мои мысли. Я вскочила и обернулась.

Обеими руками опираясь на трость, возле дома стояла леди Лилит. В темно-синем платье, чёрной накидке и чёрной широкополой шляпе.

– Леди, – я склонила голову и торопливо поспешила к ней, надеясь, что если я её обниму, не нарушу каких-то правил. А обнять почему-то хотелось.

– О! Смотри не жми сильно, а то сломаешь мне спину, – прошептала она, и я отстранилась. – Я рада, что тебя отправили сюда, очень рада, милая.

Часть меня взаимно была счастлива, а другая часть боялась сделать неверно хоть шаг.

– Леди, прошу простить меня за то, что вам придётся жить со мной...

– Леди Диана написала мне лично. Да так грубо, так подробно! – женщина, которой на вид было лет шестьдесят, вполне ходко прошла к столикам и, дождавшись, когда Лизи подвинет для неё стул, присела, всё так же опираясь обеими руками на трость. Она сидела так прямо, что ее спина, руки и трость вырисовывали идеальную букву «П».

– Я не знаю, что она написала вам, но... ее очень покорибил мой новый статус...

– Самой старой девы? – хмыкнув, спросила леди. – Это не худший статус в графстве, милая. Но замуж тебя выдать все же придётся, – уверенно подчеркнула она и с улыбкой, полной любви, принялась рассматривать меня.

Глава 11

Должно быть, вы, дорогой читатель, представили, какая каша образовалась в моей и без того ошарашенной всем происходящим голове. Я ожидала увидеть «паучиху», скрягу, злую старушеницу, которой идеально подходил ее темный, неприветливый, как она сама, дом. А увидела радушную, бодрую, молодящуюся даму с прямой, как бы это ни было сложно, спиной и сияющими добром глазами.

Конечно, я, как никто другой, знала, что выражение лица, улыбка и объятия – набор условий не самый обязательный для добродушного человека. Им с радостью и великим опытом пользуются такие твари, что...

Она повела меня в дом, по пути недовольно бурча, когда ноги увязали в той самой пропавшей сквозь камни траве. Мне захотелось подхватить ее под руку, помочь, но я не торопилась делать хоть что-то, чем могу прогневать старушку.

Лилит было лет шестьдесят, может, чуть больше, потому что на её возраст указывали лишь морщины вокруг глаз и рта. А ещё то, что она плохо управлялась с ногами. Было понятно, что трость ей нужна не для образа: она и правда с трудом переставляла ноги. Конечно, это могло быть вовсе не из-за возраста, а по причине болезни или травмы.

Как только я назвала ее про себя старушкой, еле сдержала смехок. Потому что теперь в этом доме жили две старухи, одна из которых очень неумело притворяется молодой девушкой. Да и имеет молодое, не запинаящееся тело.

– Чем же ты на самом деле довела свою леди до обморока? – поинтересовалась хозяйка, когда мы уселись за стол. Оливия и еще пара девушек выставляли тарелки с мясным блюдом, салатами из овощей, ароматным свежим хлебом, от которых пахло уютно, по-домашнему, а что важнее всего – сытно!

– Умерла самая старая дева, и ее место заняла я! Жить в одном доме с...

– Да. Зная Диану, я представила себе ее состояние, когда утром прочла некролог, – перебила меня Лилит и хмыкнула. – Но жизнь здесь, Стефания... тоже может оказаться для тебя сложной, – улыбка сползла с ее лица, и я приготовилась к тому самому «но», которого ожидала, совсем не веря в сиропное начало нашего знакомства.

– Я не жалуясь на трудности, леди... И готова помогать во всём, что вы посчитаете нужным, – с готовностью ответила, наблюдая за ее глазами. Какой бы опыт держать покерфейс она ни имела, с глазами это не работает!

– Можешь вести дом, потому что сил и времени у меня на это совсем нет. Но потом... мы все же подыщем мужа. Твое приданое используется на усмотрение брата. И что-то мне подсказывает, что он «потерял надежду» на расставание с деньгами, – она как-то недобро хохотнула.

– Как скажете, леди, – меньше всего я хотела замуж, но сейчас не стоило перечить хозяйке ни в чём: у меня было еще слишком много вопросов к этому месту.

– Диана сообщила в письме, что ты невыносима. Но пока я не вижу проблем, которые могут возникнуть с тобой. Диана вышла из простой семьи и не совсем верно понимает роль леди. А ты... неужели не хотелось побороться за наследство, родив сына? Почему претенденты на твою руку не были настойчивы. Ведь это немалый куш?

– Не знаю, леди. Думаю, они слабаки! – выпалила я.

– И граф Коул? Ну-у, здесь я, может, и соглашусь с тобой, дитя, – на ее лицо, наконец, вернулась улыбка. – Через неделю мы вернёмся к разговору о твоём замужестве, а сейчас пора отдыхать, – леди движением руки приказала Оливии помочь ей и, не сказав больше ни слова, вышла из столовой.

На улице было светло: солнце даже ещё не собиралось уйти за горизонт. Я начала опасаться, что мне тоже придётся засесть в комнате. Вернее, залечь, потому что сидеть было положено в нарядной одежде. Дичь, да и только!

Обрадовавшись, что Лизи помогает с уборкой стола, я вышла на воздух. Дневная жара спала, и легкий ветерок ласково перебирал мои локоны – я, нарушая все правила, вышла без шляпы и сразу поторопилась в сад, где под сенью деревьев мало кто разглядит меня из окон дома. Окна леди выходили, вероятнее всего, именно на сад.

С завтрашнего дня я решила начать «вести дом» именно здесь. Прорвать траву на дорожке, тщательно подмести ее, почистить кованую мебель, придумать навес над, как я его назвала, «чайным уголком» на случай дождя. Думаю, найдётся в доме рукастый мужчина, кто-нибудь из конюхов.

Проснувшись я от шума за окном. Оказалось, это леди уже уехала из дома. Мне стало неудобно за то, что я встаю настолько поздно. Но, взглянув на часы, обомлела – не было еще и шести утра.

Солнце лениво поднималось, освещая горизонт розовым. День обещал быть погожим. Заснула я вчера всё равно очень рано, поэтому сейчас уже была полна сил. Сначала я порадовалась, что смогу собраться сама, но, присев и увидев в ногах Лизи, выдохнула.

Решила, что будить ее не стоит: если проснётся сама, придётся слушаться. Но пока я решила для себя точно, что никакой корсет надевать я не стану: то, чем я запланировала заниматься сегодня, не предполагало утягиваться и задыхаться. Мне предстояло работать в саду.

Лизи проснулась, когда я, уже готовая к выходу, осматривала себя в зеркало. И это снова заставило улыбнуться, потому что в который раз она вела себя так, как должна была вести себя леди.

– Леди... вы... вы что? Сами оделись? А корсет? – довольно громко спросила Лизи.

– Молчи о нём. Не торопись, собирайся. Я выбрала самое простое платье. Мы сегодня приберёмся в части сада, – уведомила я девушку, торопливо, хоть и с большой неохотой, соскочившей со своего спального места и оглядывающейся теперь, видимо, с вопросом: «с чего, чёрт подери, начать?».

Я быстро спустилась по лестнице и заглянула в гостиную. Оливия ставила на стол чайные принадлежности.

– Оливия, перенеси их в сад, – я указала пальцем на изысканный фарфоровый чайничек и чашку, а также на вазочку с чем-то сладким. К слову, только вчера за ужином я, наконец, наелась и совершенно довольная, без подвывания в желудке в сравнении с прошлыми днями, заснула.

– Леди, вы не одеты для сада, – начала Оливия.

– А кто ты такая, чтобы мне указывать, Оливия? Может быть, ты хозяйка этого дома? – не посмотрев на неё, я вышла в утреннюю прохладу.

Пели птицы, иногда от дороги долетал шум от проезжающей повозки или кареты, но и это можно было услышать, если прислушаться.

Миновав все постройки, конюшню, навозную кучу за ней, я добралась до дальней границы, где ограждение оказалось куда выше, чем в передней части.

Я замерла, подумав сначала, что мне показалось. Но прислушалась и отчетливо слышала за стеной шум речушки или ручья. Он журчал равномерно, а время от времени раздавалось бульканье воды, словно выныривает рыба или кто-то кидает камушки с берега.

Дверь в стене, конечно же, нашлась. И закрывалась она изнутри на тяжеленный засов. Я осмотрелась и, поняв, что, наверное, ещё очень рано для суетливых слуг, нажала на запор.

С ним пришлось повозиться, но через пару минут, поняв, что нужно отодвигать толстенную деревянную задвижку одновременно с нажатием на дверь, я смогла ее отворить... И мне

открылась великолепная картина: прямо от выхода был установлен помост, чуть приподнятый над землёй. Но прелесть его была совсем в другом!

По обе стороны от него спускали ветви, образуя арку, плакучие ивы. И уходил он прямо на середину реки, где в конце в воду была погружена лестница.

Речка, вопреки моим представлениям, оказалась достаточно быстрой. Учитывая, что русло не было широким, она могла оказаться очень глубокой. Вода никогда меня не пугала, потому что плавала я как рыба. Главное – не оказаться за километр от берега. А здесь от берега до берега нет, наверное, и двадцати метров.

Ветки ивы иногда то ли от ветра, то ли от тяжести шмякались с настила в воду, но при следующем движении они, мокрые, возвращались на только-только начавший подсыхать помост и рисовали по нему мокрые дорожки, затейливые фигуры.

– Очуметь, как хорошо! – прошептала я.

Прошагав по помосту до конца, оглянулась на ворота и отметила, что от воды вид на каменную стену, к которой ведет эта великолепная арка, тоже чудесный.

Даже не сомневаясь, я расшнуровала туфли, сняла чулки, присела на край помоста возле ступеней, хорошо приметных в прозрачной воде, и опустила в нее ноги.

Сначала мне показалось, что вода холодная. Но через десяток секунд я поняла: вполне можно искупаться. Ведь в речках, где мне удавалось поплавать, было куда холоднее.

Глава 12

Нахлынувшее ощущение детства, беспричинной радости и босоногого лета открыло в душе какую-то давно забытую дверцу. Счастье, вместе с потоками вод, омывающих ноги, щеколело икры, поднималось по ногам к животу, а потом и сердцу.

«Как же хорошо жить» – пронеслось в голове, и ровно в этот момент я услышала голос Лизи за спиной:

– Леди, вы что делаете? О Боги! Прошу, идите обратно, – моя компаньонка вышла за ворота и прижалась к ним спиной, словно боялась этого мостка, или воды.

– Чего ты раскричалась? Знаешь как тут хорошо! Иди, снимай туфли, – я постучала ладонью рядом с собой, и глянув на нее, встретила глазами с ее испуганными, выпученными от страха, словно в реке живут крокодилы.

В голову, как вспышка, вдруг пришло понимание, что я хрен знает где. И кто здесь живет в реках можно только догадываться. Вытянув ноги на помост, я осмотрела их, и не найдя ничего необычного, хмыкнула.

– Если Оливия расскажет об этом леди, будет большой скандал, леди Стефания! – продолжала канючить служанка, но, заметив, что чулками я вытираю ноги и собираюсь обуться без чулок, застонала.

– Под платьем не видно, в чулках ли я вообще, да и жара стоит такая, что можно ходить в одних панталонах, – добавила я масла в ее и без того кипящий мозг. Нелегко ей со мной приходилось.

Начали мы с беседы с конюшим. Выслушав мою просьбу, он почесал почти лысую голову и крикнул внутрь конюшни:

– Сэм, иди сюда! Леди хочет навес над...

– Над чайными столиками, – добавила я, поняв, что он не разобрался в моей просьбе полностью.

Из темноты конюшни вышел молодой мужчина, и чуть прищурившись на солнце, приложил ладонь ко лбу козырьком. Если бы я умела писать картины, то плюнула бы на все дела, на все хлопоты и заботы. Он был красив той красотой, которую хочется запечатлеть, увековечить, украсть себе и любоваться ею тайно ото всех.

– Сэм хорошо работает топором, и всем остальным, – конюх забрал из рук Сэма тряпку, которой тот все еще тер руки, и махнув, мол, сами тут разбирайтесь, ушел внутрь.

У меня во рту пересохло, как у девчонки, впервые заговорившей с мальчиком, который ей очень нравится.

– Покажите, леди, где вы хотите навес, и каким себе его представляете, – я бы хотела, чтобы он заикался, или картавил, ну, или хотя бы имел смешной, не вяжущийся с его внешностью, писклявый голос. Но и здесь природа дала ему с избытком: голос его звучал бархатным, томным баритоном.

– Идем, – я с радостью отвернулась, чтобы пойти к месту, но перед глазами все еще стояло его лицо с озорно улыбающимися карими глазами, четко очерченными губами, окаймленные выбившимися из-под шнурка вьющимися каштановыми волосами.

Сердце ухало, как тогда... да, ведь и правда, точно так сердце почти обрывалось с каждым ударом, словно пыталось пробить грудную клетку и вылететь наружу. В момент, когда узнала, что мой жених уехал.

Что с этим новым для меня телом творилось сейчас я не понимала. Добравшись до столика, я залпом выпила остывшую уже чашку чая и жестом указала Лизи налить еще. Засуху

в моем горле, казалось, пресечь невозможно, но я продолжала пить, не оборачиваясь на мужчину.

– Какого размера должен быть навес? Вы хотите, чтобы он защищал от солнца, или же нужно, чтобы он защитил вас от дождя? – я искала теперь изъяна в его речи, но и здесь не могла найти ни одной ошибки.

– Верно, Сэм, нужно сделать так, чтобы можно было спрятаться тут от нечаянно начавшегося дождя...

– Значит, навес нужен не малый, – перебил он меня, но я сейчас была этому рада, потому что смотреть на него, было для меня сродни тому, чтобы смотреть на сварку – я моментально начинала заикаться. А так, пока он говорил, осматривала территорию, словно примерялась к размерам будущей веранды.

– Да, чтобы здесь спокойно могли разместиться человек... – поняв, что «четыре» уже не скажешь, а задуманных пять – шесть и взять неоткуда в этом доме, только если мы соберем всю обслугу, я замолчала.

– Вы и ваши компаньонки как минимум, правильно я вас понял? – без следа подтрунивания или смеха надо мной и моими запинками, предположил он.

– Все верно, Сэм. И еще... мы с Лизи сейчас займемся дорожкой. Не могли бы вы дать нам инструмент, который...

– Чтобы выкопать траву? – он свел брови, словно я говорила что-то запретное.

– Верно! – я улыбнулась, и поняла, что с улыбкой смотреть на него намного проще.

– Я сейчас сам пройду и выкопаю все...

– Нет, Сэм.. – перебила я его.

– Да, леди. Если хотите, я оставлю сорняки не вырванными, но лопату в ваших руках я видеть не должен! – не дождавшись моего позволения мужчина пошел обратно к конюшне.

До момента, пока его спина в серой рубашке не потерялась среди цветущих деревьев, я не могла оторвать глаз.

– Какой же он хам, леди! Перебивает вас, спорит... хотя, в одном он прав – лопатка – не ваших рук дело! – с интонацией, очень напоминающей мне Дианину, пробормотала Лизи.

– А оценивать кого-то здесь – не твое дело, как мне помнится, Лизи, – прервала я ее, и девушка опустила глаза.

– Я еще принесу чай, – нашлась служанка, и к моей радости ушла.

Настало время прислушаться к себе, но я не чувствовала присутствия Стефании, не слышала того, что подкидывала мне изредка ее память. Значит... эти эмоции были исключительно моими.

«Да, естественно, будучи уже в почтенном возрасте, я не потеряла глаз, и прекрасно могла оценить красоту, мужественность того или иного мужчины, но как сейчас, до дрожи в голосе, до заикания, и то, как билось мое сердце... а ведь он и не сказать, что идеален» – думала я и снова представила его лицо.

Горбинка носа несколько портила на первый взгляд идеальные черты, а тяжелый подбородок, может, и придавал мужественности, но совсем не изящества, не утонченной мужской красоты, в которой правильный, гармоничный баланс нежности с твердостью и рождает то самое...

– Леди, я быстро и аккуратно подкапаю траву, и сразу займусь верандой, – голос за спиной прервал мои измышления, и обернувшись к нему, я поняла, что они были напрасны – сердце снова забилось. Глухо и четко, как метроном, и еще внутри что-то затрещало, как счетчик Гейгера, намекающий, что еще один шаг и назад пути просто не будет.

Сдавшись, я села на одно из стульев и до момента, пока не пришла Лизи, наблюдала, как мужчина, собрав выбившиеся волосы и заново повязал их шнурком, быстро, но аккуратно, боясь испортить дорожку, копал.

Я отчистила от грязи ножки стульев и столиков, осмотрела их, и поняв, что щетки и краски здесь, скорее всего, я не найду, решила, что буду приходить сюда с пледом и платком, который будет выполнять роль легкой скатерти. Благо, в моих вещах такого добра было навалом. Стефания любила красивые безделушки.

Принесенное Лизи мыло я, как умела еще в прошлом, поскоблила ногтями, и предложила ей сделать так же. Мыло под ногтями не даст забиться под них земле. Перчаток здесь точно не было!

Как только Сэм закончил с копанием, я подошла, присела, поправила фартук, коим меня для работы снабдила Лизи, и потянула за подкопанный пучок травы. Он без проблем остался у меня в руках.

– Отлично. Мы соберем все в корзину...

– Я сам отнесу их, леди, – перебил он меня, и я улыбнулась, снова спасая свое лицо.

– Да, спасибо, Сэм. А после мы все здесь подметем и прольем водой, чтобы песок между камнями снова утрамбовался.

– Леди, я восхищен вашими познаниями, – губы Сэма растянулись в широкой улыбке, и сердце мое сделало кувырок – я увидела между его верхними зубами щербинку – еле заметный, но так зацепивший мой взгляд небольшой просвет.

К моей радости, он недолго примерялся возле столиков, и ушел на конюшню. Мы с Лизи собрали траву в четыре огромных корзины, подмели и попросили Оливию отправить кого-то, чтобы пролить водой дорожку.

Теперь по ней можно было гулять вокруг всего дома.

Поздно вечером, когда я, ожидая возвращения хозяйки, гуляла перед центральной частью дома, даже боясь завернуть за угол, и встретить Сэма, его голос за спиной заставил меня вздрогнуть.

– Леди, вы кое-что оставили, – он замялся, – там, на стуле, где мы... обсуждали беседку... я пойду, а вы заберите сами, – после этой нечеткой, словно рубленой из разных, еле подобранных фраз, речи, он отвернулся и ушел.

Я слышала, как карета леди подъезжает к воротам, и увидела, как слуга бегом к ним побежал, чтобы открыть. И логичнее было, как мне показалось, дожждаться леди, но что-то заставило меня поторопиться туда, где сегодня я, похоже, обронила свое сердце. И, совсем не удивилась бы, если на стуле сейчас лежало оно.

Но на нем лежали мои, туго свернутые чулки!

Глава 13

Вечер с леди Лилит начинался вполне сносно: я показывала проделанную нами работу, а хозяйка дома довольно шурилась и поглаживала мою руку в знак поддержки, потом мы ужи-нали, и она рассказывала, как давно в саду ничего не делается, потому что садовника она содер-жать не может.

Я быстро анализировала сказанное ею, и мне все так же было не понятно, на что она содержит дом вообще. Спросить прямо я не могла. А вот на тему своего приданого, как мне казалось, разговор мог состояться, и не нес ничего крамольного.

– Поэтому, я безусловно счастлива, что ты так деятельна, моя дорогая. Я уже и забыла дорогу в сад, потому что очень устаю, а теперь, когда дорожка находится в таком состоянии... наверное, я с радостью буду чаевничать там с тобой до того момента, когда ты покинешь этот дом. Но... ты будешь навещать меня. И я планирую сделать тебя своей наследницей, милая, – довольная, леди закончила свои речи.

– Леди, у меня есть к вам вопрос, и я могу заблуждаться... имею ли я право на него... – начала я, и только потом поняла, что в словах леди было что-то на тему «покину дом». По спине вдруг пробежал холодок. И я прикусила губу, вспоминая что же конкретно она сказала.

– Спрашивай, дорогая. Если ответа я не буду иметь, я так тебе и скажу, – улыбка несколько сползла с ее лица, и мне стало неудобно, а еще, я услышала, как за моей спиной резко вдохнула Лизи, словно воздух, в зависимости от моего вопроса могут перекрыть.

– Если я не выйду замуж, у меня будет право как-то воспользоваться своим приданым? – выпалила я, боясь как-то не так спросить.

– О! Ты совсем потеряла надежду? Вопрос этот очень кстати, потому что я как раз соби-ралась сообщить, что завтра после обеда я представлю тебя трем лордам. Их не особо инте-ресует твое приданое, и им больше нужно твое имя. Как ты знаешь, оно... м-ммм, – Лилит, видимо, выбирала слова, – имя Верде не совсем желательно в высоких кругах, но они не метят туда. Скорее, женихам больше необходимо получить статус лорда.

– И? – только и нашлась, что спросить я, когда образовалась пауза.

– Возможно, они не захотят детей, поскольку все уже имеют наследников. Ты принесешь их фамилиям возможность войти в палату, где принимается не мало решений для всех этих мужских дел, – она мягко улыбнулась, и, не найдя, чем еще занять свои руки, взяла чашку с чаем, но та оказалась пустой, и Оливия поспешила ее наполнить.

– Значит, выйдя замуж, я могу оставить приданое себе? и еще, что не маловажно, тетушка, – рискнула я назвать ее именно так, и проследила за реакцией хозяйки дома, – я могу увидеть документы?

– Какие? – вполне спокойно безо всяких перемен в лице и голосе уточнила Лилит.

– Все документы наследования! Все, что касается меня? – уточнила я, не зная, как пра-вильно их назвать. Но здесь, наверное, если я буду изъясняться путанно, это мне сыграет даже на руку, потому что девушка в этом свете в идеале – вообще не должна ничего понимать в них.

– Да, конечно. Завтра, вместе с претендентами на твою руку я могу вызвать Ричарсона. Этот человек, как и его отец, и дед, ведет дела вашей и моей семьи. Мы должны будем озву-чивать все детали, касаемые тебя.

– Каждому жениху? – спросила я.

– Конечно! – удивленно ответила леди. Они должны удостовериться, что получают не kota в мешке.

«А кошку в шляпе» – я еле сдержалась, чтобы не произнести это.

– Я имею право отказаться от женихов? – теперь уже точно, боясь разгневаться Лилит, уточнила я.

– От двоих! У тебя будет время подумать. Утром мы отправим посыльного к одному из претендентов. Милая, я знаю, как тебе страшно, я знаю, что уход к незнакомым людям, где тебя, возможно, не примут вовсе, пугает... я сама прошла это, Стефания, – тетка сглотнула, а потом вспомнила о чае, и отпила немного. – Проще быть вдовой, чем старой девой, и, увидев всех троих, уверена, ты поймешь, кого нужно выбрать! – леди улыбнулась, потом снова вернулась к разговору о завтрашнем приеме, а после и вовсе, начала объяснять Оливии, как будут проходить встречи.

– Я настаиваю, чтобы завтра ты была в чулках и корсете! – не зло, но твердо порекомендовала тетка. В ответ я качнула головой в знак согласия.

Я, не выходя из-за стола, попрощалась с тетушкой, и когда та ушла, вынула из кармана тугой комок чулок. Благо, что она не заметила, где я их нашу, а еще лучше то, что она даже не представляет, кто держал их в руках. Потому что я не оставила их на стуле – уходя из сада, я переставила мебель так, как посчитала лучше. Вероятно, они выпали из кармана передника, и он нашел их.

Выйти на вечернюю прогулку я не решилась. Окно было открыто – ночь стояла теплая, безветренная и тихая. Единственное – кваканье лягушки где-то вдали нарушало тишину, но та, сделав ровно пять «куа-аа» замолкала на пару минут.

Лизи спала уставшая от сегодняшних дел, а еще, ванны, которую я принимала здесь же, в своей комнате. Тяжеленную, медную, с витиеватым изгибом спинки, на невысоких, кряжистых ножках, ее принесли четверо мужчин из обслуги, потом они нескончаемым муравьиным бегом приносили ведра с водой и наполняли ее. А когда Лизи помогла мне помыться, все повторилось в обратном порядке. На это ушло больше трех часов.

Я тоже устала, но не физически, а морально. Думать о предстоящем замужестве было невыносимо.

Я понимала, о чем мне напекает леди – выбрать самого старого из них. Но я-то знала, что некоторые «боровички» похлеще молодцев – живут себе, скулят о болящем организме, показывают кулаки врачам, «совсем не занимающихся их здоровьем, и получающим деньги просто так», а сами преспокойно, без чьей-либо помощи, усаживаются на берегу реки, кормят уток. Некоторые, и помоложе, позволить себе такого не могут.

Здесь тоже могли быть подобные экземпляры. А я ни за что не смогла бы торопить чью-либо смерть. Не могла бы навредить. Да, злилась бы, строила, наверное, козни в ответ на обиду, но не навредить. А вот эти... их наследники, некоторые из которых могут быть и постарше меня... вот кого я боялась больше всего. Сыновья моих претендентов могли жить с ними, и, естественно при своей жене и многочисленном выводке чад.

И если я не хотела даже видеть Диану, то жить с очередной фурией я не представляла себе как.

Додумав до того, что жить мне придется как в аду, поймала себя на том, что дышу так, словно пробежала стометровку.

Вспомнила, как учила меня моя любимая Милочка: «Бабуля, если не спится, выбери слово, обозначающее предмет, а потом на каждую букву этого слова вспоминай слова».

– М-ммм... – в темноте я осмотрелась и взгляд упал на очертания стола, – стол...стул, солнце, серебро, сердце, саламандра, сэм...глаза, нос, губы, ямочка на подбородке...

Глава 14

Утро наступило как-то совсем неожиданно, поскольку мне показалось, что я всего лишь моргнула. Вспомнила эту дурацкую систему по быстрому засыпанию, а потом вспомнила, что сегодня меня ждет парад женихов и застонала.

– Леди, я опять проспала? – испуганный и какой-то шальной голос Лизи напугал меня в добавок ко всему, что я уже вспомнила.

– Рассвет только-только начался. И я не понимаю, почему я проснулась так рано, я встала и посмотрела на большие напольные часы, стоящие у входа. Ни громко тикали. И показывали ровно пять утра.

«Неужели они как-то звенят каждый час, а я до сих пор так и не заметила этого?» – подумала я. Состояние было, будто вчера вечером я выпила бутылку домашней вишневой наливки, которую готовила моя любимая подруга – настоящая бабушка Милы.

Как-то раз мы с ней привезли из леса целую гору грибов, и пока их чистили, перерабатывали, она предложила «сбрызнуть» такую удачную «охоту».

Ну, мы и сбрызнули, да так, что в итоге решили прокрутить все грибы на грибную икру, и до поздней ночи пели песни. Утром я чувствовала себя точно так же, как сейчас.

Понимая, что уже не засну, встала и налила себе в стакан воды, потом подошла к окну и замерла: Сэм, которому имя шло так же, как корове седло, чистил дорожку перед домом. Но он не просто капал, он аккуратно вырывал траву между кирпичиками, которыми была уложена вся территория перед домом.

– Хм... – не сдержалась я и зашла за тонкую занавеску. Окно было чуточку приоткрыто, но работал он так тихо, что вряд ли стал причиной моей ранней пробуждения.

– Леди, я должна спуститься в низ и помочь Оливии с завтраком, – Лизи села, быстро оделась, и вышла. Я воспользовалась ее отсутствием по прямому назначению.

Когда она вернулась минут через десять, и заторопила меня с одеждой я хотела-было уже поставить ее на место. Но она заполошно выдохнула:

– Леди, уже скоро восемь утра. Завтрак готов, и Оливия прямо передо мной вошла в комнату леди. Думаю, она хочет проводить ее к столу.

Как мы метались по комнате, сшибая все на своем пути, искали этот чертов корсет, потом натягивали совсем не тянущиеся свежие чулки, возились с волосами, не мог себе представить никто!

Не знаю, сколько ушло на это время, потому что часы и правда, стояли все еще на цифре «пять». Но когда спустились, Оливия укладывала салфетку на колени Лилит.

– Вы проспали? – судя по выражению лица, Лилит была тоже не в духе.

– Часы в комнате, оказывается, встали, леди, – ответила я, присаживаясь за стол как можно прямее, потому что чертов пыточный аппарат на моей талии давил, казалось, даже на шею, хоть ее и не касался.

– Лизетта, но ты должна сама просыпаться вовремя. Твоя помощь просто необходима утром в кухне. Теперь Оливия будет поднимать тебя каждое утро, – тихо, и так же угрюмо, растягивая слова, и назвав Лизи этим странным именем, протянула хозяйка.

Я не знала, правильно ли было спрашивать тетку о ее здоровье, но мне казалось, сегодняшний день будет тяжелым для всех.

– Я расскажу тебе, Стефания, как вест себя при гостях. У Дианы нет этих знаний, потому что коли есть деньги, обладать ими вовсе не обязательно, – в голосе тетки я чувствовала ее нелюбовь к Диане, но, опять же, не чувствовала любви к себе.

– Хорошо, леди, – кратко ответила я, приступая к поданной каше, щедро посыпанной черникой. Чего было не отнять у хозяйки дома, так это чревоугодия.

Мне, как никому знаком этот грех, ставший в связи с образом моей жизни, наверное, единственным, если не считать злословия. Можно ли было называть злословием нашу с Милочкой любовь к перемыванию костей соседям с этажа выше, меняющимся ежемесячно, поскольку квартира сдавалась? Я на всякий случай этот грех признавала.

Но в любви к «вкусно откусать» мы с Лилит были едины. И то, с каким аппетитом она доедала миску до дна, как долго пережевывала, смакую вкус пищи, она была буквально моим зеркалом.

– У вас очень вкусно, леди, – решила я сделать комплимент и хозяйке, и Оливии.

– Диана все еще кормит Даниэля травой и отварной индейкой? Экономить на еде – большой грех. Лучше бы она уняла его любовь к картам! – все еще жуя, ответила леди.

– Да, все отварное... и совсем не соленое... и порции маленькие, как для ребенка, – наконец, вывалила я чистую правду о своей снохе.

– Кто-то сказал ей, что жареное вредит, каши вредят, масло вредит, – откуда Лилит была в курсе дел Дианы я не представляла, но она сейчас открыла мне на семью брата глаза – они экономят! Неужели дела идут так плохо?

Лилит после завтрака усадила меня в кресло, показала, как держать спину, куда поставить ноги, и что делать, если они затекут. Я молила своего знакомого уже прежнего и на всякий случай местного Бога, о котором планировала расспросит Лизи, чтобы женихи не шли чередом, и у меня было несколько минут на то, чтобы пройтись, размяться. Потому что даже репетиция меня так замучила, что я готова была согласиться на первого жениха.

До обеда оставалось еще время, и я, приказав Лизи вынести в сад чай, отправилась к своим столикам. Да, мне хотелось увидеть Сэма, а еще больше хотелось понять, что вчерашнее помутнение было явным последствием вспышки на солнце, как и сегодняшняя головная боль.

Вышеупомянутый в этот самый момент устанавливал столб в вырытую уже ямку, и в своей промокшей от пота сорочке выглядел как Бог. Поняв, что дело совсем не во вспышке, и уж точно не на солнце, я плюхнулась на стул и моментально пожалела.

Все «кости», какие были в пыточном корсете, воткнулись в меня. Стараясь не наклоняться больше, я вскочила с него с такой скоростью, что не поняла сама – отталкивалась ли я вообще ногами от земли.

– Леди, там муравьи? – бросив столб, Сэм подскочил ко мне, и принялся отряхивать мое платье. По сути, он буквально лупил меня ладонью по окороку, а я бегала вокруг него.

– Леди, – эту безумную пляску прервал голос Лизи. Она стояла, замерев на дорожке и пялилась то на меня, то на моего напарника по танцам.

– Там муравьи, – решив не вспоминать о корсете, выдохнула я.

Лизи поставила чайник и чашку на столик, поклонилась и чуть отошла. Я решила пить чай стоя, наблюдая за работой Сэма.

К моменту прибытия женихов, а они явились в одно время, сил моих больше не было ни на что. Голова раскалывалась, будто в нее долбили набатом, тело, закованное в чертову деталь белья, ныло, умоляя о смене позы, и только сердце все так же, как и вчера, трепетно и гулко стучало в груди при каждой мысли о мужчине, которого я видела впервые.

– Леди, мы можем выслушать мое завещание сразу при троих? У меня страшно болит голова, и если я не ляну через пол часа, мне кажется, я умру. Пока поверенный читает завещание и все, что им надо услышать, я рассмотрю каждого. А потом пусть они быстро расскажут о себе, – видимо, мой взгляд и голос были так умоляющи, что Лилит смягчилась.

– Хорошо. Это не принято, но... я сообщу, что ты испытываешь недомогание, – Лилит пошла в дом, а за мной должна была прийти Лизи.

– Леди, посмотрите, я могу повесить здесь горшки с геранями, – Сэм указал на вкопанные утром бревна. Сейчас он занимался легким навесом между ними.

– Да, если можно, – пространно ответила я, понимая, что меньше всего я сейчас хотела бы идти к трем старикашкам, и выбирать того, кто очоурится раньше, чтобы вести более-менее сносный образ жизни, и не быть целью для насмешек таких дур, как моя сноха.

– Леди велела прикупить несколько горшков, и завтра я отправлюсь за ними. У вас есть пожелания к цветам? – словно ничего страшного сейчас и не происходило, этот мужчина продолжал беседовать со мной.

– Я люблю нежно-розовые, почти белые, – вспомнив цветы на своем окне, оставшемся в другой, прошлой жизни, мне захотелось заплакать.

Глава 15

Моя тетушка казалась мне иногда совсем не такой, какой она хотела бы, чтобы ее видели. Изначально мне обещали, что жить с ней – ужас, но или я не считала какие-то правила ужасными, или она при мне не полностью открывалась в своей этой самой ужасной сути, или она на деле была вполне сносной.

Я думала иногда: какой же выглядела я со своим характером, со своими привычками, сформированными моим временем, образованием, здоровьем?

– О! Вы здесь, – голос Лизи прервал мои мысли, – Леди Лилит сказала, что мы можем вернуться в гостиную.

– Гости уже явились? – откликнулась я. Голова моя, может от тишины сада, или от того, что я долго сидела с закрытыми глазами, заметно успокоилась.

– Да, леди, – Лизи, не дождавшись меня, пошла обратно.

– Скажите, Сэм, откуда у вас это странное имя? – не знаю, почему я спросила, но это имя, и правда, никак не вязалось ни с этим временем, ни с местом.

– А-ммм... не могу знать, леди Стефания, – промычал наморщивший лоб конюх.

Еще из прихожей я услышала голоса. Один из них принадлежал моей тетушке. Остальные, мужские, мне были незнакомы.

Когда я вошла, трое мужчин разного колибра, о примерно одного возраста встали с кресел. Здесь просилось слово «вскочили», но скакуны из них были уже не ахти: у одного в такт тиканья часов тряслась голова, второй с трудом трясущимися руками опирался о трость, а третий смог подняться с помощью слуги.

– О! А вот и моя племянница – леди Вердэ! Прошу, – она указала мне на место на диване рядом с ней, и я, помня про недавний свой присест, аккуратно, и не сгибая спины, присела на край.

– Добрый день, – я хотела добавить «лорды», но, потом вспомнила, что лордом станет один из них только тогда, когда женится на мне. Им самим место в палате, скорее всего, не пригодится надолго, но их сыновья смогут подняться на ступень выше. Ощутимо выше, чем стоят сейчас.

– Господа, леди Стефания сегодня неважно себя чувствует, и мы решили, как бы это не было странно, встретиться со всеми вами сразу, – обозначив их «господами», тетушка помогла мне. Но я услышала в ее голосе и действительную ноту извинения за вот такой не стандартный прием. Здесь я уловила ее желание, прежде всего, сделать легче мне. И это тоже указывало на расположение ко мне. И еще раз доказывало, что она вовсе не стерва.

– Да, леди Бертон, мы все понимаем. День сегодня очень жаркий, и здоровье шалит у всех нас, – дребезжащий голос мужчины с трясущейся головой первым вступил в диалог с хозяйкой дома.

– Это господин Виретто, хозяин пекарен, отец троих сыновей, один из которых отдал свою жизнь служению Богу, – представила претендента Лилит с улыбкой. Господин поклонился на все стороны.

– Господин Лиро, – Лилит с ударением на «о» представила второго жениха. Тот самый, что поднимался с помощью слуги, оказался еще и глухим – слуга громко и прямо в ухо объяснил ему, что сейчас хозяйка представляет его. Он снова попытался встать, и на этот раз более удачно, и почти сам, – Господину принадлежат все чайные плантации в нашем королевстве. Есть еще маленькие, конечно же, но только господин Лиро является тем, кто доставляет чай ко двору Его Величества, – закончила Лилит.

Я поклонилась и улыбнулась чайному магнату, поймав себя на том, что голова полностью перестала болеть, а это представление женихов оказалось вполне себе сносным и дает мне еще больше понят – как здесь все устроено.

– Господин Николс, – голос Лилит вывел меня из задумчивости и разглядывание узора на ковре под ногами. Я перевела взгляд на того, у которого ходуном ходили руки на трости. Он сидел на самом краю кресла, упершись ладонями в широкий упор, и улыбался мне, как мог бы улыбаться старый развратник маленькой девочке: с намеком на интим и пошлые разговоры. Меня передернуло.

– Добрый день, господин, – не глядя ему в глаза отозвалась я.

– Господин владеет полями и овцами, а его старший сын занимается добычей полудрагоценных камней. Ими украшены залы дворца Его Величества, – не без гордости добавила Лилит, – а еще господин Николс помогает приюту, где содержат девочек.

Я чуть не подпрыгнула, потому что он на меня произвел впечатление педофила с первого взгляда. Мурашки мои укрепились и поползли в сторону телефона в желании набрать номер полиции.

– О! Это благое дело, – выдавила я из себя.

– Мы иногда обсуждаем это, поскольку я владею тремя приютами для престарелых, и все мое время занимаю, как правило, эти приюты, – вполне спокойно добавила тетка, а я глянула на ее вполне счастливое лицо. Неужели она не видит, что его лицо начинает перекашивать, когда речь заходит о сиротках? Чего же он не занялся стариками?

– Тетушка, я горжусь вами, – вставила я, чтобы эту тему закрыть и перейти уже к делу.

– Господин Вериччи уже прибыл, – объявила Оливия и пропустила в гостиную к моему удивлению молодого, с красиво уложенными кудрями, в чистом сюртуке, под которым резала глаз кипельно белая сорочка, мужчину.

– Леди, – он поклонился в сторону нас, – Господа, – не так низко, просто чуть склонил голову в сторону нашего старческого «трио». – Я начну сразу, и леди хотела, чтобы я озвучил весь текст ее завещания. Думаю, вам это тоже будет интересно, – он прошел к креслу, к которому слуга подвинул кофейный столик, а потом водрузил на него книгу, размером с портфель.

– Вы правы, господин Вериччи. Сначала озвучьте все, что касается леди Стефании, после этого господа расскажут нам что могут предложить невесте, и мы позволим ей и господам подумать несколько дней, – голос Лилит лился так спокойно, словно она не замуж за старика выдавала единственную племянницу, а обсуждала в любом случае выгодную ей сделку.

– Итак, я готов начать, – молодой юрист, или кем он здесь являлся... казался мне иконой красоты и здоровья в сравнении с этими мамонтами, вот-вот готовыми испустить дух. Но, я повторюсь: я знавала таких. Их как раз и носит Земля так долго, что кажется, просто не хочет принимать в себя.

– Леди Стефания Луиза Тереза Мария Верде, дочь лорда Аристарха Верде, – объявлял юрист, а я внимательно прислушиваясь, вдруг услышала имя моего отца! Аристарх? Вы серьезно? Тогда, Сэм здесь не так чтобы совсем некстати! – Двадцати трех лет, не будучи замужем, не имея детей, может стать женой при одобрении этого брака одного из родственников, – обозначил первые данные юрист и осмотрел нас всех.

Мне несколько мешал орущий в ухо хозяину слуга, но я решила не заводиться, иначе, головная боль могла вернуться. Медленно и глубоко дышала, посматривая то на молодого человека с книгой, то на тетюшку. Рассматривать женихов не было смысла!

– В первую очередь лорд Верде пишет о своем сыне, но эту часть мы опустим, – юрист перелистнул пару страниц, которые мне были тоже интересны, – ах да, должен упомянуть часть из общего наследства, а потом мы перейдем к приданому, – клерк перевернул страницу обратно и порыскав пальцем по строкам начал:

– Леди Стефания Верде становится полноценной хозяйкой фабрик, зимней и летней резиденции Верде в случае, если первой родит сына. Мальчику положено дать имя и фамилию деда. После двадцатилетия первого сына и исполнения всего вышперечисленного наследство должно перейти ему, – юрист поднял голову, видимо, тоже поняв, что от этих вот «скакунов» родиться у меня могла только нескончаемая мигрень, перелистнул на страницы с моим приданным.

– Господин... – я забыла его имя, но, как оказалось, он не обиделся и благосклонно поднял голову на меня. – Я могу сама просмотреть только что озвученные вами строки?

– Де, конечно, леди, это книга с документами всей вашей семьи, – он повернул ее, готовый показать мне на только что прочитанный текст.

Я, хоть и очень удивилась, но смогла прочесть абру кадабру, написанную хоть и ровными, но на первый взгляд совсем непонятными буквами.

И значилось там именно то, что озвучил улыбчивый кудряш! На всякий случай, не забываясь о том, что там обо мне подумают, я нашла строки о Даниэле. Он получал все эти буржуйские «заводы, теплоходы» тоже только в случае, если займет сына. Или... если сына не рожу я до двадцати пяти лет!

Конечно, после двадцати пяти я стану дряхлой, а вот он, уверена, будет считаться молодец еще лет десять, а может и эти вот осколки прошлого века, сидящие на теткинском диване тоже старыми не считаются?

– Я могу продолжать? – уточнил юрист, и я, дав согласие, пошла на свое место.

Выражение тетушкиного лица я не поняла в тот момент. И мне было совершенно все равно что оно выражает. Но если бы тогда задумалась...

Глава 16

Дальнейший рассказ о моём приданом включал некие суммы, которые я всего лишь пыталась запомнить. Ещё в нём было упомянуто про украшения матушки. И именно они заставили глаза моих кавалеров приоткрыться шире и заблестеть.

Далее эта троица долго и детально описывала свои имения, овец, пекарни и прочее, чем занимались их деды, отцы, а теперь и они. Я поняла, что все они не были аристократами, в отличие от меня, и хотели получить лишь новый статус.

Потом нам подали чай, и я возблагодарила Бога, что мы не станем вместе ужинать.

По очереди им подали кареты, и как только женихи отчалили, я выдохнула.

– Думаю, нам стоит перекусить, – предложила тётка.

– Я сейчас вернусь, – пообещала я, поднялась в комнату и под негодующим взглядом Лиззи сняла корсет и шляпу.

Лилит заметила, что моя талия стала пошире, и даже укоризненно поджала губы. Но мне было настолько плевать, что позволила себе не переживать по пустякам.

Это только моя жизнь, и я уже жила одну. Если мне предстоит выйти замуж в любом случае, то теперь ничто не имеет значения.

– Кого бы ты выбрала сама? – голосом, полным заинтересованности, спросила Лилит, как только я впилась зубами в кусок печёного картофеля.

– Выбор, конечно, велик, леди. Все господа настолько прекрасны, что мне понадобится время, – уже совсем не переживая за своё будущее в доме родственницы, ответила я, прожевав.

– Ты права, – она еле сдержала смешок, как мне показалось.

– Тот, что глух, пожалуй, пока несомненный лидер этого списка, потому что он ещё и малоподвижен, – решив, что вставлять шуточки про неторопливого любовника здесь не стоит, продолжила я, наблюдая за Лилит.

– Стефания, – на последнем слоге её губы растянулись.

– Да, леди, я знаю, вы желаете мне только добра. Прошу извинить, если я чего-то не понимаю, но вот этот овцевод, помогающий сироткам, – я заглянула прямо в её глаза, – вы уверены, что он не ... позволяет себе лишнего с ними. Его взгляд...

– Ты неглупа, Стефания, в тебе есть стержень, есть сила и мужество... в отличие от твоей матушки. Нельзя говорить о ней плохо, я знаю. Но раньше... не могу сказать, что ты была глупа. Ты была избалованной, вредной, и, как минимум – неумной, – помявшись, открылась так Лилит.

– Так сильно я переменилась? – мы одновременно и почти одинаково подняли брови в вопросительном жесте и вместе улыбнулись этому сходству. Ее глаза, окаймлённые затейливыми сеточками морщин, внимательно вглядывались в моё лицо, будто искали что-то очень знакомое, или даже больше – родное.

– Сильно. И когда я получила письмо от Дианы, думала она шутит. Ты вела себя как девчонка: жила, как хотела. Но чтобы позволить себе в обществе стать посмешищем? Когда ты одному за другим отказывала всем женихам, я думала, ты мстишь брату за предательство матери. Но на людях ты была идеальной.

– А сейчас? – я отставила тарелку.

– Сейчас ты... как будто по-настоящему живёшь исключительно для себя. Так могу позволить себе жить я, Стефания. Только человек, жизнь которого позади и чьё-либо неодобрение не будет стоить ему всего.

Я задумалась. А ведь я изо всех сил пыталась вести себя скромно! Неужели в своей прежней жизни я была сумасбродной старухой, от которой у всех мурашки по телу? Не-ет.

– Мне нравится у вас, леди. И если бы это было позволено, я ни за что не пошла бы замуж, – решила и сказала я. На что надеялась я в тот момент, не знаю!

– Этому не бывать. Твои женихи “порадуют” тебя совместной жизнью не больше десяти лет, – совсем серьезно сказала Лилит, и я еле сдержалась, чтобы не сделать недовольное лицо. – И то, как ты начнёшь управлять их домом, скажется на всей оставшейся жизни. У тебя будет время полностью перетянуть слуг на свою сторону, выбрать тактику поведения с его детьми...

– Но ведь хозяином дома станет старший сын, не так ли? – перебила я леди. Ей это не понравилось, но она сдержалась и даже улыбнулась.

– Так. И у тебя не будет никакого орудия против них, милая! – она говорила со мной так, словно отправляет меня на войну, из которой выйти живой не получится, точно!

– Значит... меня ждет несчастная жизнь в любом случае? А вы? Может, было бы лучше остаться с вами? Я могла бы помогать во всём, леди!

– Я признаюсь тебе, Стефания, хоть и не хотела давать тебе «сладкое» раньше времени, – леди разглаживала салфетку на коленях и смотрела на меня со впервые замеченной мною теплотой. Нет, даже жалостью и любовью. – Мое имение станет твоим после моей смерти. Но к нему будут прилагаться и все обязанности...

– Я хотела бы пожить здесь с вами...

– Ты сможешь приезжать в гости, но жить здесь даже после смерти своего мужа, в случае, если я буду жива... нельзя! Тебе придётся жить с родственниками мужа. И как раз... тот самый глухой господин, которого ты выбрала, имеет сыновей и дочерей столько в своем поместье... а с ними и внуков...

– Значит... вы советуете не выбирать его? – я даже расстроилась.

– Нет, я не в праве, поскольку среди них нет кого-то, кто существенно богаче. Ведь я должна озаботиться твоим благосостоянием. Но могу намекнуть, что тот самый господин со странной, как тебе показалось, улыбкой...

– Господин...

– Николс. Его старший сын владеет рудниками с не самыми, но все же, дорогими камнями. Он не женат, но совсем мало времени проводит дома, поскольку шахты разбросаны по всему королевству. Его младший сын погиб в молодости, а три дочери никак не могут найти мужей. Говорят, они малосимпатичны...

– А зачем господину жениться, если его старший сын, коему, как я поняла, и нужен этот статус, сам может жениться... к примеру... на мне? – начиная понимать, что в этом королевстве всё не так просто, как мне виделось, спросила я.

– Жениться на старой деве? – леди ответила с таким удивлением, будто я спросила, почему бы ему не жениться на ящерице!

– Ах, да! – только и ответила я, потом придвинула тарелку и принялась за остывшее, но всё равно очень вкусное блюдо.

– Даниэль тоже получит много от твоего брака, Стефания, – вдруг, словно совсем вскользь, произнесла тетушка.

– Я рада. И от кого же он получит больше?

– Да... в общем, без разницы, но твой брат сможет сотрудничать с семьёй твоего мужа... так скажем, без затрат.

– То есть? – уточнила я. Помогать братцу не входило в мои планы, но и вредить я не собиралась.

– Если он решит заниматься чаем, к примеру, то твой муж обязан будет продавать ему сырьё по самой низкой цене. Это сверхвыгодно для Даниэля: ведь тогда он без затрат сможет продавать продукт по той же цене, что и твой супруг, хозяин этих самых полей. Часто такие вот отношения жадных братьев, которым зять не может отказать, сказываются на молодых женах...

– То есть... если мой брат решит нажиться, а мой муж не сможет отказать, то станет вымещать злость на мне? – кусок не пошел мне больше в горло, и я отложила приборы.

– Да, и хорошо бы тебе поговорить с Даниэлем, чтобы первое время он не пользовался всеми этими благами... Диана...

– Диана спит и видит такую выгоду. Я уверена, она просто не упустит момента! И тогда в семье моего мужа... я стану девочкой для битья! Кого мне выбрать, чтобы Даниэлю было неинтересно? – решила я посоветоваться с теткой.

– Фабрики твоего отца работают вполсилы. А одна из них исключительно за счёт помощи тестя, отца Дианы! После того случая с твоей матерью редкие, но все же лорды сватались к тебе. Но с них твой брат не мог бы получить ничего. Чем ниже статус твоего жениха, тем больше получит твой брат, – тетка замолчала, но как будто хотела сказать что-то еще, и сейчас обдумывала: стоит ли это делать.

– Почему вы это допустили? – мне, вероятно, не стоило так поворачивать разговор, но уж очень хотелось услышать от нее ответ.

– Ха, кто бы меня опустил до курочки, несущей золотые яйца, милая? А сейчас... оставь я тебя дома, вся свора, хоть немного знающая вашу семью, начнет по лоскутам разбирать твою жизнь. Ты станешь персоной, которую не хотят видеть нигде! А Даниэль... Ему следовало начать заботиться о делах сразу, но он положился на тестя.

– Он настолько глуп? – вырвалось у меня.

– Нет, он не глуп, дорогая. Он ленив и доверчив! – хмыкнула тётка. – И когда я давала ему понять, что, выдав тебя замуж за... допустим, небедного барона, он мог бы получить ой какие возможности. Да и статус барона не дал бы твоему мужу ощущать себя значительно ниже графа-шурина. Он мог бы дать ему отпор. Диана же, по наставлениям отца, не торопилась с твоим замужеством. Ей было выгодно, чтобы ты, упаси Бог, не родила сына раньше неё, и ещё... чтобы ты вышла не за аристократа. Так они смогут начать действительно выгодное для них сотрудничество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.